

К 84.09 (=чшб)
К 96
х-65444

Николай
КУШМАНОВ



«ТРУДЫ МОИ
НЕ КАНУТ В ЛЕТУ...»

Национальная библиотека ЧР



k-065744

1000... к СВЧ.09(2) 96
НИКОЛАЙ КУШМАНОВ

фр

**«ТРУДЫ МОИ
НЕ КАНУТ В ЛЕТУ...»**

Чебоксары
2013

УДК 894, 344

ББК 84 /2 Рос = Чув/ — 4

К 96

К 96 Кушманов Н. К., «Труды мои не канут в лету...». Поэма, стихи разных лет. Чебоксары, 2013. — 200 стр. Перевод с чувашского — Ставский Михаил Александрович.

Печатается из книги «Ёмёрсен кёрлевё витёр» /Сквозь бури веков/. 2 тома, 2005 г.

В книгу включены поэма «Кокель» об известном художнике, профессоре А. А. Кокель — уроженце с. Тарханы Батыревского района ЧР.


На обложке 1 стр. — На въезде в с. Тарханы.

К-65444

Национальная библиотека
Чувашской Республики

Проверена 9 ФЕВ 2017

© Кушманов
/Алеметкин/ Н. К.



ТАРХАНЫ – КОЛЫБЕЛЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Село Тарханы Батыревского района Чувашской республики расположено в низменной местности. Оно с южной стороны окружено лесом. Там растут и лиственные, и хвойные деревья. Мы в детстве боялись слишком далеко углубляться, потому что через полкилометра уже начинался глухой, дремучий лес. Там водилось много разного зверя: и медведи, и волки, и рыжая лиса, и короткохвостые зайцы, и белки, перепрыгивающие с дерева на дерево. Нам было и страшно, и в то же время любопытно: но как же лес без зверей, они придают ему таинство, очарование, живописный вид.

С севера, востока и запада село окружают широкие поля. До райцентра (с. Батырево) – 20 км. В своё время с. Тарханы считалось и волостным, и районным центром. В 50 годы прошлого века оно входило в число населённых пунктов сначала Первомайского, потом Батыревского районов. По сравнению с соседними деревнями (Верхнее Турмышево, Нижнее Турмышево, Верхнее Атыково, Шаймурзино, Сигачи, Абамза, Хурама-Твары), в Тарханах имеются различные учреждения: участковая больница, ветлечебница, Дом культуры, столовая, несколько магазинов, почта, лесничество, детский сад, средняя школа. Правление сельхозкооператива «Хастар» и сельская администрация находятся в красивом 2-х этажном здании, напротив расположена церковь. Если едешь со стороны райцентра, то на правой стороне сразу увидишь сельское кладбище, а рядом – новое колхозное гумно, а на левой стороне расположены кирпичные дома для инвалидов. Их сразу не заметишь, они расположены среди деревьев, около леса. На окраине деревни, на правой стороне, в тени высоких стройных сосен, виднеются строения Турганкассинского лесничества. Напротив, через дорогу, находятся здания пекарни и колхозной столовой, там же машино-тракторный парк. Если идти дальше вдоль машино-тракторного парка в сторону речки Шлипшур, то можно увидеть здания животноводческой фермы.

На южной стороне расположена средняя школа, которая была открыта ещё в 1840 году. Кто только не учился в стенах этой школы? В течение двух столетий она была источником знаний не только для тарханской детворы, но и для парней и девушек из соседних деревень. Она давала не только знания и умения, а помогала развивать интеллект, способности, обогащать духовный мир.

Меня всегда интересовал один вопрос: когда и как началась история моего древнего села, кто был первым его поселенцем?

Вот что рассказывают нам архивные документы. В Чувашском Краеведческом музее в научно архиве хранятся подлинные документы XVII – XVIII веков. Их принёс туда в 1936 году житель села Атыково Первомайско-



го района по фамилии Орлов. Эти документы составил житель Сундырьской волости (ныне с. Ящерино Марпосадского района) Ахпузан Сутычев. Один из документов называется «ввозной грамотой», он составлен в 1637 году, а другой документ «фрагменты челобитной» – 24 ноября 1640 года. Есть ещё один документ: мировое соглашение. Его передал в 1642 году Ахпузану Сутычеву (чувашину) сотник Сундырьской волости Абяк Охтеев. Из этих документов видно, что основателями селений Тарханы (первоначальное название Сундырь), Верхнее и Нижнее Турмышево, Верхнее и Нижнее Атыково, Сигачи (до сих пор называют Сундырь) были выходцы из деревень нынешнего Марпосадского района.


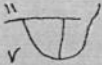




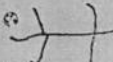
Вот что пишет об этом профессор В.Д.Димитриев в своей научной статье «К вопросу о заселении юго-восточной и южных частей Чувашии /Ученые записки/ НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Чебоксары: Чуваш. гос. издат – во, 1956. Вып. 14. С.183 – 186, 199 – 207/:

Рассматриваемые документы «включая и те, которые не публикуются в приложениях» позволяют установить, что селения Тарханы /Сундырь/ Верхнее и Нижнее Турмышевы, Верхнее и Нижнее Атыковы, Верхнее и Нижнее Тюнсюрёвы /Сундыри/ современного Первомайского района были основаны переселенцами из селений Сундыря /чувашское селение, находившееся до первых десятилетий XVII ст. на месте нынешнего Мариинского Посада/, Сотникова /Торханкасы/, Большого Маклашкина /Атыкова/, Тинсарина /Чермышева/, Ящерица /Тенёсёва/, Астакасов, Большого Шугаева /Сундырьполь/, Малого Шугаева, Суточева, Мукрукасов и Албоши /последних двух деревень ныне нет/, расположенных на территории современного Мариинско-Посадского района. Примечательно, здесь почти полное совпадение названий вновь образовавшихся на юге селений с названиями материнских селений северо-восточной части Чувашии.

Конечно, читателя можно ознакомить с копиями всех имеющихся документов. Но у меня такой цели нет. Просто, есть подтверждающий документ о том, что наше село основали переселенцы из Марпосадского района в 1637 году. Эти места сразу не обживались, их называли «диким полем». Положение крестьян было невыносимо тяжёлым. Они платили подушную подать, несли оброк, выполняли многочисленные повинности. Настоящим бичом для них был налог на предметы первой необходимости. Невыносимо тяжёлые условия жизни вынуждали их бросать обжитые места и переселяться в «дикие поля». Ахпузан Сутычев, Темей Данилов, Атяч Аксигитов и ещё несколько крестьян (всего 8 хозяйств) работали в первое время только летом, потому что, чтобы обзавестись хозяйством нужно было время. Как произошло переселение семей, об этом рассказывают архивные документы.

«Вскоре эти три двора переселились на новое место — в «ди-

Деревни Тархан-касы:

Знамя сотника		Абяка Ахтеева
Знамя Теняка		Юртева
Знамя Янаша		Ялгулова
Знамя Ахтуды		Куликеева
Знамя Паула		Чапкунова
Знамя старосты		Бистригана Шеменова
Знамя Чечя		Матисева
Знамя Тюряберды		Туванешева
Знамя Патея		Кебенева
Знамя Баска		Кебенева
Знамя Ямбахты		Адеева
Знамя Байбири		Бахтышева

Родовые знамёна деревни Тарханкасы



Село Сотниково Марпосадского района до революции и
в настоящее время (фото 1997 г.)





кое поле» по речке Шелепшуре. «На той льготной земле дворы поставили и на городьбу лес изготовили, и всякое домашнее строенье завели, и землю вспахали, и хлеба ржанова две десетины, да ячменю десетину посеели». Но сюда прибыл тархан А. Охтеев с «товарыщи». Они выбили этих крестьян из дворов, захватили их строевой лес и на их земле посеяли свой хлеб. Половину крестьянской земли А. Охтеев, «отдал двум торханом — Баиму Кибеневу да Яшмурзе...» Долго пришлось бороться переселившимся крестьянам против тархана А. Охтеева, которого поддерживал кокшайский воевода С. Есипов. Лишь в 1642 г. А. Сутычев, Т. Данилов и А. Аксигитов сумели вернуть себе захваченные у них земли. Таковы были обстоятельства и, условия переселения в «дикое поле».

Какие привилегии имели такие крестьяне, переселенцы, со стороны государства. Вот строки из архивного документа.

«При легальном способе заселения «дикого поля» основателями новой деревни выступали выходцы из одного или двух селений. Но затем в состав новой деревни вливались и выходцы из ряда других селений.

На основе перечисленных фактов можно сделать следующие обобщения о заселении юго-восточных и южных районов Чувашии с разрешения органов власти,

а/ Правительство и местные органы власти, в фискальных целях заинтересованные в заселении указанных районов Чувашии, поддерживали переселение в эти районы прежде всего безьясачных крестьян—чувашей с тем, чтобы устроить их на тягло. Однако туда переселялись и ясачные крестьяне, либо передав тягло на старом месте другим, либо сохранив старое тягло.

б/ В целях стимулирования переселения крестьян в «дикое поле» правительство и местные органы власти нередко предоставляли переселенцам льготу — освобождали от несения тягла на несколько лет, чтобы они освоили участки под пашню и обзавелись хозяйственными постройками.

в/ Органы власти отводили крестьянам участки земли в «диком поле» в одних случаях сначала из оброка, носившего временный характер, а затем переводили их на тягло — ясак в других случаях разрешали занимать земли сразу же с условием несения тягла.

г/ На новые участки в «диком поле» крестьяне переселялись не всегда тотчас после получения владенных документов.

Иногда в течение нескольких лет они обрабатывали такие участки «наездом».

д/ Органы власти, выдавая крестьянам—чувашам документы на владение землей в «диком поле», обычно предлагали им

приглашать других крестьян «на новоприбылые ясаки».

е/ Новые селения, образовавшиеся в «диком поле», в большинстве случаев получали названия от тех деревень, откуда происходили первые переселенцы «основатели новых селений».

Несколько селений юга Чувашии было основано служилыми чувашами. В XVII в. царское правительство переселяло значительное число служилых чувашей и татар на Карлинскую засечную черту, отводя им довольно большие участки земли «до 75 дес. одному служилому» на правах поместного владения. Так, еще в первой половине XVII в. служилым чувашам Боггашке Ахтаеву и другим было пожаловано по 30 дес. на человека.

/Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского двorca. Т. IV, Симбирск. 1904, стр. 55—56./

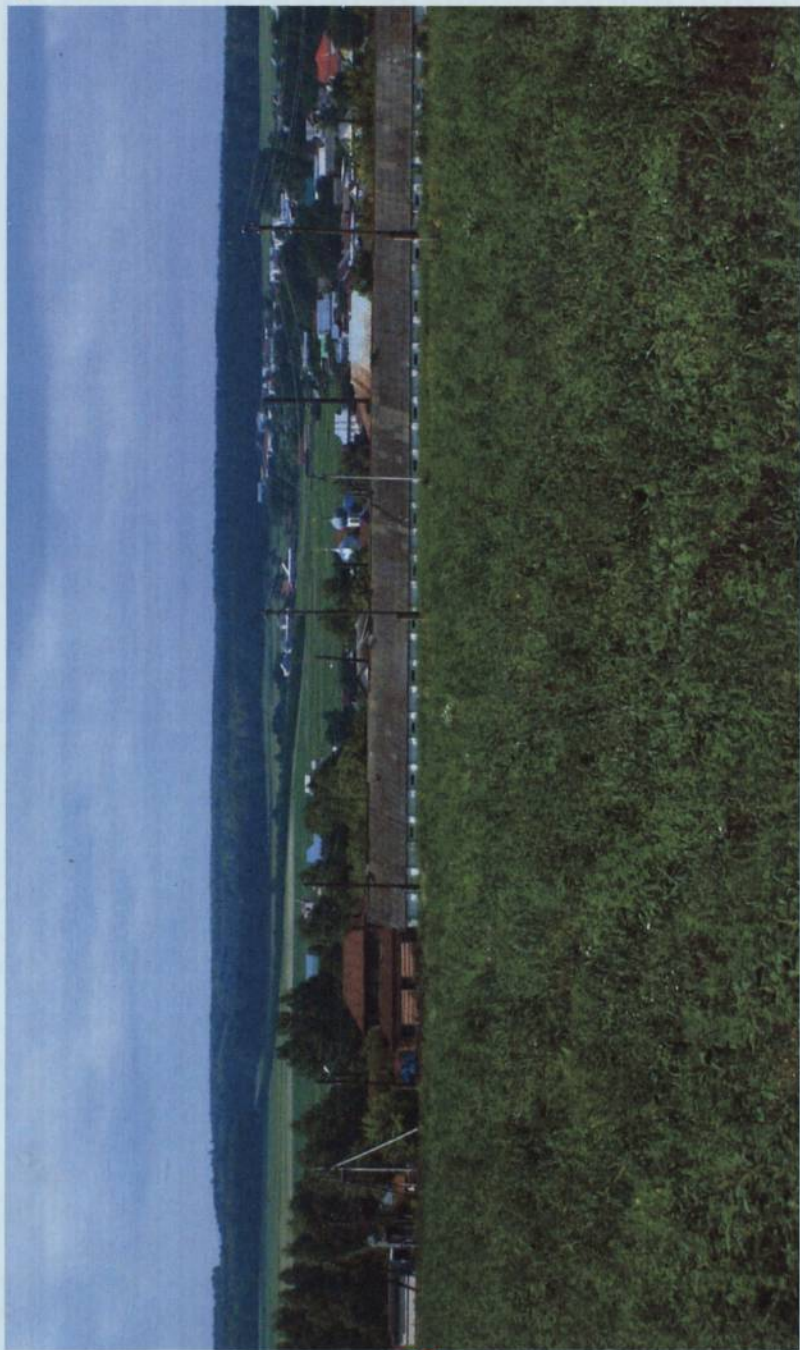
Я хочу познакомить ещё одним архивным документом, так называемым «мировым соглашением», которое было составлено между сотником Абяком Охтеевым и чувашским крестьянином Ахпузаном Сутычевым.

«И в нынешнем во 150—м году¹ генваря в 17 день я, сотник Абяк Охтеев, и вся рядовая ясачная чюваша Сундырские волости ближних и польских² деревень с ним, Ахпузаном, с товарищи в том земляном их владенье и дворовом строенье помирились и во всем я, сотник Абяк, и вся рядовая ясачная чюваша Сундырские волости ближних и польских деревень с ним, Ахпузаном, в том земляном их владенье и дворовом строенье розделались, и мне, сотнику Абяку, и всей Сундырские волости чюваше ближних и польских деревень ему, Ахпузану, одному опричь товарищев ево на поле земли под гумно дати³ три десетины, а сверх трех десетин землею и санными покосы владети ему, Ахпузану, с товарищи своими с мирскими людми в ряду вместе. И впредь мне, сотнику Абяку, и рядовой чюваше Сундырские волости ближних и польских деревень на нем, Ахпузане, и на товарищех ево, Ахпузановых, того землянова владенья и дворового их строенья не отискивати и не искати и не вчинати ни которыми делы. А будет впредь я, сотник Абяк, или всея Сундырские волости чюваша ближних и польских деревень на нем, Ахпузане, или на товарищех ево, Ахпузановых, тово землянова владенья и дворового их строенья станем стискивать или искати, или вчинати которыми делы, и на мне, сотнике Абяке, и на всей чюваше Сундырские волости ближних и полских деревень взять ему, Ахпузану, с товарищи по сей записи за ряду¹ триста рублей денег. А у сей записи были в третьих сторонние люди Свяжского

¹ 150 /7150/ год—1642 год.

² Польские деревни и степные деревни /от слова поле/.

³ В списке /копии/ этого документа вместо «дати» стоит «да».



Так виднеется с. Тарханы со стороны деревни Шаймурзино

уезду Чекурские волости Алигешевы сотни чувашенин Айдубай Айдуганов, да Казанского уезду Кушмаринские волости Мекеевы сотни черемисин Ксеноул Ягеев, да Кокшаского уезду Чемуршинские волости черемиса староста Тоймурза Тойлев, Макай Багышев, Чюникей Янахтаев, Байбулат Игисев, да Кузьмодемьянского уезду Ахпарсовы сотни черемисин Янай Ахпирев, да Кокшаские волости черемисин Крымсарай Бурундуков, да Чемуршинские ж волости черемиса Пигозя Пиндииков, Иванай Янгуватов. А на то послуси² Иван Федоров сын Попов, да Нестер Власьев сын Комаров. А толмачил толмач Козма Степанов. А запись писал площадной подьячей Семейка Степанов. А записи писаны по противням огне, третье огне, и послуси один и подьячей. Лета 7150 году генваря в 17 день.

Удивительно! Сколько подписей и имён только в одном этом документе. Они тогда и не думали-гадали, что какие важные бумаги оставили для своих потомков. Мы узнали об истории своего села благодаря этим документам, когда и как начиналось наше село и как оно называлось.

Из этих документов теперь мы знаем, как заселялись наши «дикие поля» чувашами, русскими, марийцами (черемисами) и мордвой. Они продолжали переселяться на эти земли на протяжении XVII и в начале XVIII века. До сих пор в нашей местности (например, в Сигачах) живут рядом чувашаи, русские, мордва. На протяжении нескольких веков чего только не испытали наши предки, чего только не видели. Мирные дни чередовались лихими годами войны, были болезни, от которой умирали целые семейства, люди радовались своим маленьким успехам и делились своим счастьем с соседями и родными, друзьями, чувашаи женились на русских и мордва, или наоборот, родились дети.

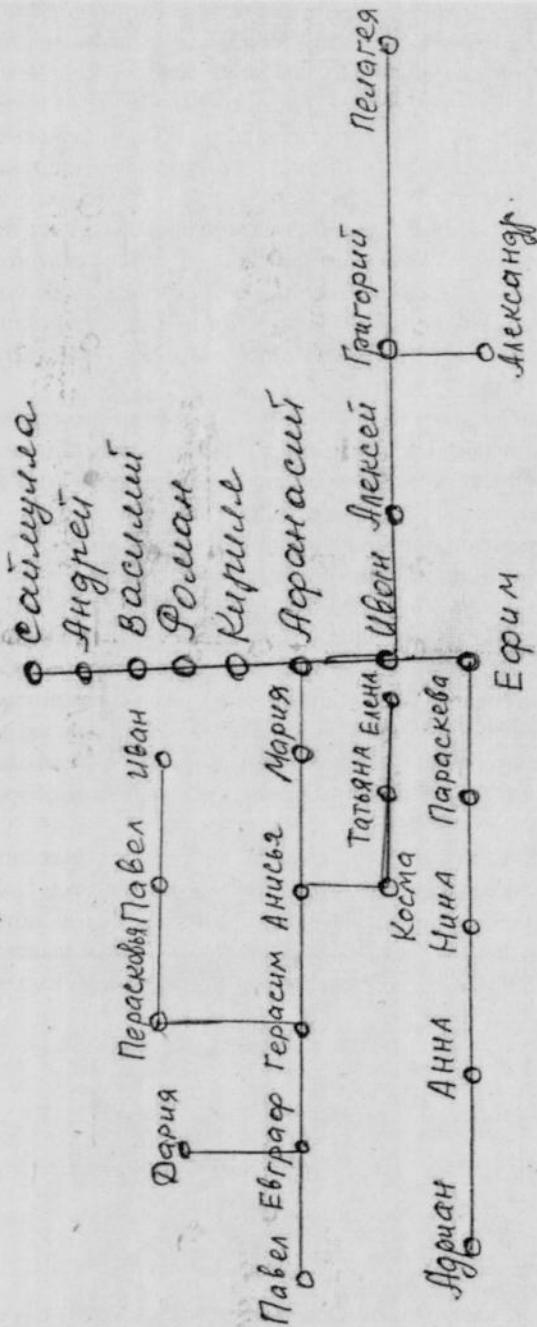
Я хочу сегодня читателям рассказать о замечательных людях из рода Саймуллы, а также выходцев из рода Спиновых-Алёшевых («Пайми»), какой след они оставили в жизни для чувашского народа и об их потомках.

Пусть читатель поймёт меня правильно, из Тархан вышло ещё много замечательных людей. Но мой рассказ сегодня о них, об их замечательной жизни...

ряда¹ — соглашение, договор.

послуси² — от слова «послух» — свидетель.

1. Род Жокеля



Я родился в 1949 году в селе Тарханы Батыревского района, учился в школе, развивал свой кругозор, впитывая, как губка, разговоры старших. Свою литературную деятельность я начал после службы в Советской Армии, в начале 70-ых годов. Ещё младшим школьником сочинял стихи, но их я никому не показывал. Как раз в те дни, когда я, отслужив, приехал на короткое время к родителям домой, в нашем селе находилась группа студентов, которая собирала материалы о творческой деятельности Алексея Афанасьевича Кокеля. Их руководителем был кандидат искусствоведения Алексей Григорьевич Григорьев. Он о А.А.Кокеле писал много, в 1980 году выпустил о нём книгу, снимали кинофильм. Наверное, меня он и вдохновил написать поэму «Кокель».

Как мало мы знаем о своих замечательных земляках, которые прославляют своими делами не только свою деревню, но и всю республику. Кто виноват в этом, даже сразу не ответишь. Власть держащие чиновники или мы, пассивные наблюдатели, которые ждём: вот придёт дяденька и всё сделает для нас. Если честно признаться, до того, как написать поэму, я сам тоже мало знал о жизни, о родственниках Кокелей.

Я начал собирать материалы и документы о А.А. Кокель ещё тогда, когда начал учиться в Чувашском государственном университете. Тогда ещё совсем мало писали о нём, я почти по крупинкам собирал документы о художнике, и написал первые главы поэмы, и они дошли до читателя. В 1992 году в Чувашском книжном издательстве вышла отдельная книга «Кокель». В целях экономии бумаги, в книгу не были включены картины художника.

Прошли годы. Но я не успокаивался на достигнутом, меня всегда волновала судьба моего великого земляка. Я знал, что у художника было ещё два брата, Иван и Григорий, и сестра Пелагея. Но мало знал о них. Я хотел узнать об их судьбе и о родственниках: кто они и чем занимаются, есть ли среди родственников художника продолжатели его дела.

В 90 годах прошлого века я много работал над стихотворным переводом Ветхого Завета Библии на чувашский язык, книга вышла в трёх томах. В моём творчестве тема религии вытеснила другие темы. К сожалению, если первый том выпускался пяти тысячным экземпляром, то второй и третий тома вышли только 600-ым экземпляром.

В предисловии книги кандидат богословия, протоиерей И. Н. Карлинов писал так:

«Внимательно слежу за творчеством поэта Николая Константиновича Кушманова и охотно помогаю ему в создании стихотворных переложений с Ветхого Завета. За последние годы с Божьей помощью он подготовил к изданию рукописи под названием «Духовная книга». Туда вошли:

«Псалтирь» — 1 том;

«Книга Иова», «Притчи Соломона», «Книга Екклесиаста или Проповедника», «Песнь песней» Соломона — 2 том;

«Книга Премудростей Соломона», «Книга Премудростей Иисуса, сына Сирахова» — 3 том.

Каждый век прочитывает древние тексты книги из Библии по-своему. Учтивая это, переводчик-поэт старался пересказать в стихах события, изложенные в Ветхом Завете, в доступной для простого народа форме. В произведениях часто встречаются цитаты и из Нового Завета. Автор эти лирические отступления делал сознательно. Он тем самым, сохраняя дух Священного Писания, старался обогатить сюжетную канву древних книг, как диалектические моменты развития всего библейского мировоззрения.

Выражаю надежду, что эти книги после издания послужат стимулом к еще более глубокому и систематическому изучению Библии и верю, что они будут привлекать к чтению Самого текста Священного Писания.

Рекомендую и благословляю рукописи в печать в хронологическом порядке.

*Кандидат богословия, заместитель председателя Чувашской
Библейской комиссии, протоиерей И. Н. Карлинов.*

В 2001 году 13 – 14 декабря мне посчастливилось участвовать в Москве в 6-ом Всемирном Русском Народном Соборе. Я на второй день выступил на секции «1000 лет вместе: Православие, Ислам и другие традиционные религии в России». Я рассказал о трудностях издания книги, просил о помощи...

После приезда из Собора, через несколько дней со мной связались родственники епископа Германа, родного брата художника Григория Кокеля. Я думал, что у Григория (епископа Германа) детей не было. Оказывается, дочь София умерла совсем недавно, очень жаль, не довелось мне с ней встретиться...

Жену Григория Кокеля звали Ириной. У неё было три сестры: Мария, Матрёна, Марфа. Мария Егоровна Спинова всегда держала тесную связь с семьёй сестры и епископа Германа, помогала им всегда, чем могла. У Марфы Егоровны Спиновой было 7 сыновей и 3 дочери (в живых сейчас осталось шестеро: Галина, Анастасия, Фаина, Лидия, Александр, Нина). Они все посвятили себя служению Богу. Галина инокиня, всю жизнь проработала в газовом хозяйстве в с. Батырево, сейчас на пенсии. Анастасия замужем за протоиереем Алексеем (их сын Пётр и зять Андрей – иереи). Фаина после окончания Палехского художественного училища делает росписи в церквях, реставрирует памятники истории и архитектуры. У Лидии муж, Геннадий Галкин — священник (их сын Сергей — иерей, зять Виктор, сын архимандрита Маркела во Владимире, тоже иерей). Сын Александр протоиерей служит в одной из церквей Марий Эл. Он ещё выпускал книги, например, второе издание Евангелии на чувашском языке. Младшая дочь Марфы Егоров-

ны, матушка Нина, замужем за протоиереем Григорием (их сын Гедеон и зять Геннадий тоже иереи). Таким образом число священников составляет одиннадцать человек. (Если сюда включить и других родственников это число достигнет до семнадцати. Сюда входят кандидат богословия, протоиерей Илья Карлинов и его сыновья, иереи Виктор и Сергей, а также протоиереи Владимир и Анатолий Хлебниковы).

Почему дети Марфы Егоровны Спиновой выбрали этот путь, т.е. связали свою жизнь со служением Богу? Здесь ответ один, епископ Герман засеял семена веры, любви, добра в душах людей, своих родственников, своячениц, и те под его покровительством продолжают размножать эти зёрна. Потому что его мученическая и святая жизнь для них является ярким примером мужества, она вдохновляет их.

Когда я начал переводить Библию на чувашский язык сразу после завершения поэмы «Кокель», может, меня тоже напутствовал отец Герман, подсказывал, помогал...

Когда я собирал документы и материалы для этой книги, то узнал неожиданную новость о том, что супруга академика Льва Пантелеймоновича Куракова, Альбина Дмитриевна Куракова, является прямой родственницей знаменитых Кокелей. Оказывается, она правнучка Ивана Афанасьевича Кокеля. В своё время после выхода книг, при встрече с Л.П.Кураковым я подарил ему все свои произведения, в том числе и поэму «Кокель». Потом я узнал, что он и сам из рода Спиновых, жены епископа Германа, Ирины Спиновой. Об этом я узнал из письма Нины Александровны Алёшевой, адресованного мне.

Меня вот что приятно удивляет: Лев Пантелеймонович Кураков должатель дела и традиций чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, никогда не хвастается этим, не выставляет себя, что он близкий родственник таких всемирно-известных людей, он удивительно скромный человек. Я в этом не раз убедился. Не хочу чрезмерно расхваливать, превозносить его. Какой вклад он внёс в науку и жизнь нашей республики, все знают. Он является крупным учёным и выдающимся организатором высшей школы, автором нескольких книг, государственным деятелем. Он претворяет в жизнь то, что завещал нам великий просветитель И.Я.Яковлев. Кто ему помогает, кто придаёт ему силу? Может, епископ Герман направляет и благословляет его на такие добрые дела? Он (епископ Герман) ведь в своё время дружил с выдающимся просветителем Иваном Яковлевичем Яковлевым...

В этой книге я расскажу читателю и о других внуках и родственниках Кокелей.*

**Из книги «Ёмёрсен кёрлевё витёр» (Сквозь бури веков), 2 тома, 2005 г. Книги вышли с малым тиражом, хранятся в Госархиве, Книжной палате, Национальной библиотеке г.Чебоксары.*



КОКЕЛЬ ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ
(Рисунок Алексея Афанасьевича Кокеля)



ГРИГОРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ — К-65744

ЕПИСКОП ЧУВАШСКИЙ **ГЕРМАН**
Национальная библиотека
Чувашской Республики



МУФ-20-У
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ —
ХУДОЖНИК, ПРОФЕССОР



КОКЕЛЬ

ПОЭМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Родимый дом, село Тарханы,
Любимый с детства край лесной,
Прекрасней нет природы храма,
Где люб села народ честной.*

*Село мое стоит в низине,
Взирая снизу на холмы.
И в этой «колыбель-корзине»
Известных всем людей полно.*

*Наш пламенный поэт Андреев,
Иль композитор наш Петров,
В профессиях своих тут зрея,
В мир вышли, покидая кров.*


*И рос тут генерал Кутузов,
Взбирался шустро на холмы,
Да в лес ходил, неся свой кузов,
Теперь достоин похвалы.*

*Да каждый житель тут трудяга,
К труду приучен и охоч.
Привита с детства эта тяга,
Сосед соседу рад помочь.*

*А если, добрый мой читатель,
Забросит рок тебя в село,
То непременно посчитай ты
В музее побывать села.*

*Находится музей в низине,
Со школой рядышком стоит.
И при своем в музей визите
Имен откроешь много тут.*

*Так дай-ка мы зайдём с тобою
В двухзальный малый наш музей.
Хотя и скромн он собою,
На посетителей везет.*



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1891 ГОД.
ГОЛОДНЫЙ ГОД

Нагрянула беда нежданно
На веси, села, на людей,
Набросилась внезапно, жадно
На старых, взрослых и детей.

От той беды дома пустели,
Людей подряд косила смерть.
Беду коль за порог пустили,
Перечить ей никто не смей!

Пугающе темнеют окна,
Не видно огоньков лучин.
Знать, нет в избушках жизни тока,
Нет в них ни женщин, ни мужчин.

Впустую колоколен звуки —
Молиться некому идти.
Крестом к груди прижаты руки,
Ведут к могилам их пути.

Молил крестьянин слезно Бога:
«Избавь от ада бедных. Нас!»
Но у Того, знать, ряса — тога
В тот скорбный износилась час.

Неголым же Ему явиться
К молящему на Судный день.
Так продолжались слезы литься,
Могильная манила сень.

Не ведая о братстве, дружбе,
Крестьянин тужился один.
Семьею мир его был сужен,
Так жил он до конца годин.

Глаза богатых были жадны,
 Нас так учили говорить.
 Но, может, многие нелады
 В привычке замкнутыми жить?

Застроек крыши из соломы,
 Нет теса, жести, черепиц.
 Труха, мякина и половы
 Как кстати для гнездovsky птиц.

Куда ни глянешь: льются слезы,
 Куда ни глянешь: плач сирот.
 Не снятся даже детям грезы,
 Едой где полон был бы рот.

Переходили горе – беды
 У чувашей из рода в род.
 В нужде кабальной жили деды,
 Подённо проливая пот.

С надеждою одною жили:
 Род сохранить, продолжить род.
 С себя вытягивали жилы,
 Изнемогая от работ.

Порою горестно тужили
 О лучшей доле для себя.
 В надеждах с песнею дружили
 И пели тихо про себя.

Немало авторов безвестных
 Сложило песен для души.
 Их сохранили наши веси,
 Их пели люди и в глуши.

В тот год одиннадцилетний
 Не умер с голода герой.
 С опухшею ногой в постели
 По бегу тосковал порой.

Пора знакомиться с героем,
Мальчонка Лешею зовут.
Болезненным убит он горем —
Его замучил костный зуд.

Нарочно наголо пострижен,
Чтоб не водилось блох и вшей.
Но все ж, бедою не обижен,
Стремился жить душою всей.

От малокровья бледнолицый,
От голоданыя сухощав.
От малых крошек жив, как птицы,
Жив, Божьей милости ища.

Алешею зовут родные,
Но по-иному по селу:
«Больной» иль «Кокаль»* он отныне,
Доныне Кокель посему.

Он учится в удельной школе
И очень любит рисовать.
В лесу он пропадает, в поле,
Стремится мастерство ковать.

Их улица тиха, вся в ивах,
Но и болотиста, грязна.
Коль воз застрянет, тоже диво —
Куда заехал, возчик, знай.

Не потому ли околоток
В округе «Грязевкой» зовут.
На прозвища крестьянин краток,
Никто с ним не поспорит тут.

Шлипшур в низине протекает,
Неся прохладу на село.

*Кокаль /Кукаль/ — по-чувашски — пирог.



Весною снег последним тает –
Уж так природой повелось.

Возможно, здешний влажный воздух
Здоровье Леши расшатал.
Ему бы срочный нужен роздых
Под теплым солнышком у скал.

Всем телом чуют непогоду
Алеша в годы те привык.
В моменты те ломило ногу,
Глушил он стоном явный крик.

Но, несмотря на все невзгоды,
Мальчишка время не терял.
Он рисовал деревья, воды
И ими мастерство сверял.

Он угли подбирал в очаге
И на дощечках рисовал.
И постепенно шаг за шагом
Умение свое ковал.

Не изводил он зря бумаги,
Интуитивно зная толк.
Возможно, так колдуют маги,
А он – как аппаратом щелк!

И на бумаге лес, поляна,
Цветы и синяя река.
Но невдомек пока селянам,
Сравнима с чем его рука.

Шлипшур как носит свои воды
И как спешит к реке Буле,
Так в Грязевке проходят годы –
Жизнь не стоит ведь на нуле

«Немного пользы от больного
В хозяйстве сельского двора.
Тогда пусть встанет он на ноги,
Имея пользу от пера».

Так думал горестно родитель,
Алешу в школу проводив.
От роду сам он темный житель,
Коня умеет лишь водить.

Встает Алеша на рассвете,
Тетради, книжечки берет,
Подобно всем больным на свете,
До школы не спеша бредет.

Дом небольшой из старых бревен
Давно уж покосился весь,
Вот-вот с землей сравнится вровень,
Но все ж в нем радость детям есть.

В две комнаты ведут две двери,
В тех комнатах по три окна.
Там воют ветры словно звери,
Не школа, а беда одна.

Но детям разве то помеха —
Они стремятся много знать.
Тут начинается их вежа,
И знанья будут дальше звать.

Тут русские, эрзя, чувашаи
Из всех соседних деревень.
В ладах живут народы наши,
Обретшие давно тут сень.

«Баталий» детских предводитель
Из Нижней улицы пацан,

Не в меру бравый, как родитель,
Друг Тихон чем не атаман.

Надежный друг, защитник слабых,
С Алешей в классе он сидел.
Был скромн и не жаждал славы,
Себя не видел не у дел.

Давать другим в деревне клочки
В обычае живет давно.
В кого-то встрянет как затычка,
Что смыть до гроба не дано.

Для ребятни Алеша – Кокаль,
А Тихон – Осип для друзей.
Фамилию Алеши – Кокель,
На стендах поместил музей.

Но вот звонок – и в класс тут входит
Учитель их Сергей Ильич.
Он ручкой по журналу водит,
И мерно раздается клич.

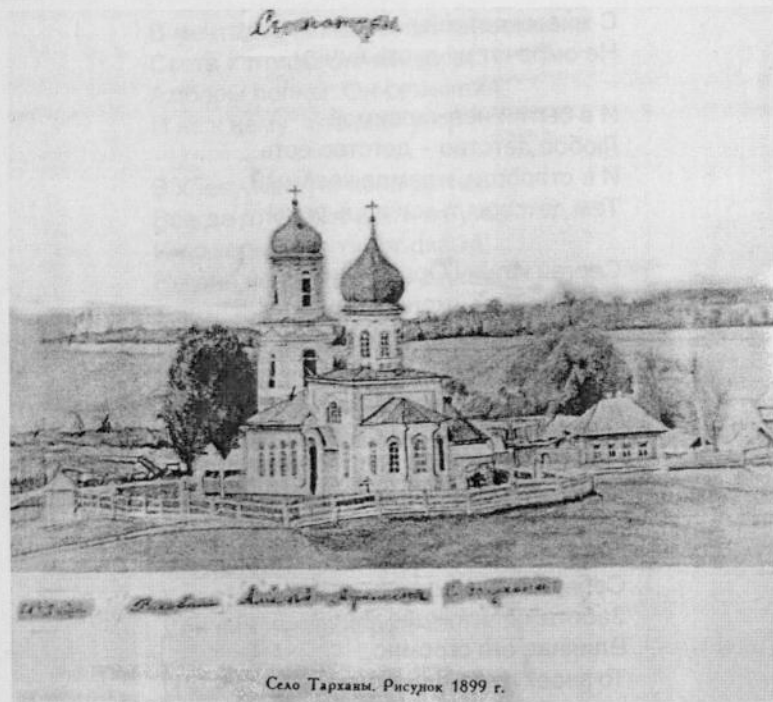
К доску выходит Афанасьев*,
Читает наизусть стихи.
Сидят бесшумно дети в классе,
Заслушавшись, они тихи.

Алеше ставит «пять» учитель,
Советует всем брать пример.
«Учеба – знаний всех носитель,
Всем нужно откроет дверь».

Вот так попутно наставляя,
Ведет учитель свой урок,
Детей упорно заставляя
Его заданья делать в срок.

Двор школы шумен в перерывах,
Резвится в играх детвора.

*Афанасьев – прежняя фамилия А. А. Кокеля.



Село Тарханы. Рисунок 1899 г.

Святая радость в их порывах —
Беспечная для них пора.

Детей одежды разноцветны,
Из домотканного холста.
Хоть и в лаптях, но лица светлы,
Лишь на одном лице тоска.

С детьми Алеша не играет,
Резвиться не дает нога*.
Ее ладонью потирает,
И поскорее ждет звонка.

Привычные в быту заплатки
Не замечаемы никем.

* У А. А. Кокеля был костный туберкулез ребер (с гнойничками).
Примечание Н. П. Сергеева.

С живых детишек взятки гладки,
Не омрачат их пусть ничем.

И в бытии невыносимой
Любое детство – детство есть.
И в старости, к земле косимый,
Тем детством ты сияешь весь.

Сергей Ильич Орлов учитель,
Симбирской школы выпускник.
В години те Тарханов житель,
В дар Божий Алексея вник.

«Рисуй картины ты, Алеша,
На землю раз пришел творить.
Но не легка, знай, эта ноша,
Где тропы самому торить».

Себя держал учитель скромно,
Заботами питомцев жил.
Влияние его огромно,
То знает каждый старожил.

Учитель!
Он куда б ни прибыл,
В глазах народов – Гиппократ.
Его не беспокоит прибыль,
Успехам школьников он рад.

МЕЧТЫ И ИСТИНА

Зима обжориста. Известна
Та истина крестьянам всем.
Весна для них, известно, пресна,
Амбары коль пусты совсем.

В труды и месяцы впрягали,
Назвав их то «Посев», то «Серп».
В работе жилы напрягали,
Но Бог Верховный, видно, слеп.



В мечтаньях лишь богат крестьянин:
Скота и птицы целый двор,
Амбары полны. Он семьянин,
И не к нему: «ленив» укор.

В хлеву танцует конь ретивый,
Всегда готовый выйти в путь.
И по корму воз тянет сивый,
Не для него назначен кнут.

Постройки крыты новым тесом,
И расписные ворота.
Дом кажется семье утесом,
Голодного где нету рта.

Мечты, мечты!
И как ни сладки,
Мечты останутся мечтой.
У сытых с бедным речи гладки,
Для них ленив народ честной.

И как бы рьяно ни трудились,
Богатства бедным не видать.
И как бы шустро не крутились,
Сполна оброка не отдать.

У них подряд неурожаи,
Да кур у них не больше трех,
На день, на два на поле жатвы,
Где плешь сплошная от огрех.

Голодные детишки плачут
Невольно пальчики сосут.
Чуть живы от соломы клячи,
Самим хоть запрягайся тут.

Оброк не сдан. А волостные
Насильно требуют его.
И на беду крестьян и ныне
Урядник прискакал в село.

– Алеша, хочешь ты послушать
Часы с кукушкой?
– Где же, где?
– Есть зеркало, – задорит Тиша, –
Посмотришь на себя, идем.

– Наверно, врешь?
– Нет, нет, дружок.
Оденься ты без проволочек.
– А если все же врешь, дружок?
– За мной останется должок.

Дружки не медля поспешили
В избушку посреди села,
Куда селяне все спешили –
Нужда крестьян туда вела.

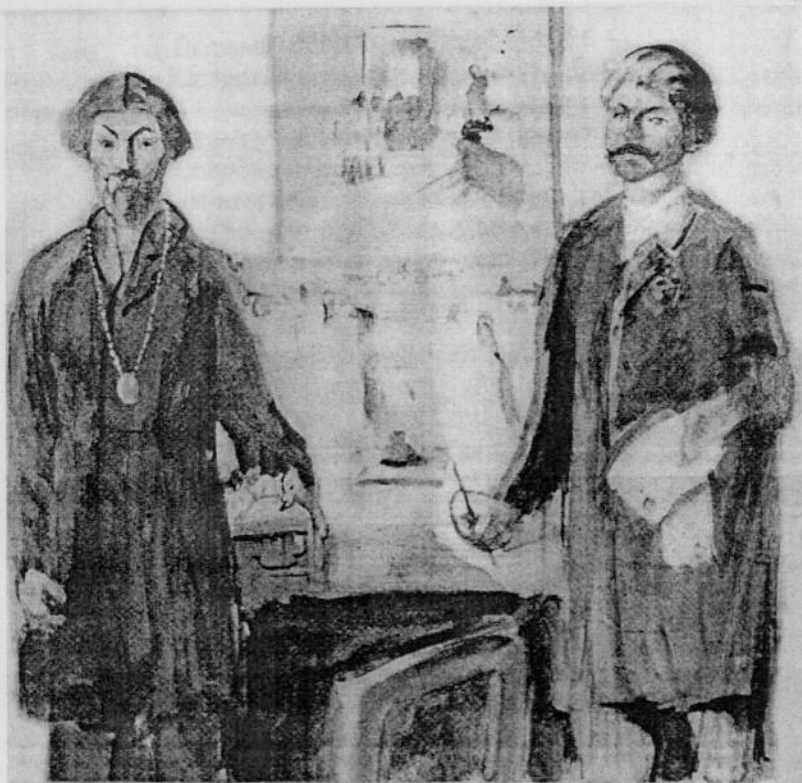
Народ толпой стоял в сторожке.
Урядник, важный господин,
Сидит с сердитый красной рожой
На лавке за столом один.

И даже жалкий писаришка
Стоит пред ним, не смея сесть.
Присядет невзначай мальчишка
И тут же вскочит, зная честь.

Народ молчит, шуметь не смея,
На гнев нарваться не спешит.
В толпе отец и Алексея,
Урядник лишь в избе ершист.

Прав Тихон: есть часы с кукушкой,
Вон зеркало стоит в углу.
Как щелкнет на часах окошко,
Так слышится в избе «ку-ку!»

Урядник, тут ребят заметив,
Строжайше показал на дверь.
«Пошел! Пошел!
Входить не смейте!» –
Сердито рявкнул он как зверь.



В волостном правлении (урядник в чувашской деревне). Эскиз-набросок картин.
1910 г.

Знать хочется: зачем урядник
Детишек выгнал за порог?
Вновь впустит он сопливых вряд ли,
Друзья быстрее к окошку шорк!

Через стекло ребятам видно,
Что происходит там в избе.
До слез, конечно, им обидно,
Что кто-то будет там избит.

И вот урядник размахнулся
На одного своим кнутом.
Невольно Тихон вострепенулся
Всем детским жалостным нутром.



– Эх, мне быстрее подрасти бы, –
Он другу тихо говорит. –
Его тогда везде настиг бы
Карать за то, что тут творит.

(Тут, добрый мой читатель, кстати
Сказать мне о его судьбе.
Доросшись до солдатской стати,
Отдался праведной борьбе.

За неизвестный бунт в Самаре
В Сибирь отправлен Тихон был.
На каторгу. Шесть лет в том крае
Жил в кабале, горячим слыл.

Оттуда он в Донбасс поехал,
Стоял за справедливый быт.
Чтоб мирная настала вежа,
Чтоб каждый был одет и сыт.

В ряды большевиков вступая,
Тянулся к знаниям наук,
Перед другими выступая,
Не осрамиться чтоб за ум.)

Сейчас своими кулачками
Уряднику пацан грозит.
А кулаки-то сжались сами,
Когда чин плетью всех косил.

Двоих-троих в чулан закрыли,
Чтоб не перечили властям,
Чтоб об оброке не забыли,
Чтоб слабости не знать костям.

Народ выходит, вон, вздыхая,
И Афанасий среди них.
Алеша, затаив дыханье,
Глядит в глаза и лица их.

Глаза печальны, лица хмуры,
Им в тот момент не до бесед.



Ведь на оброк уйдут и куры,
Осиротив в хлеву насест.

«За что урядник бил жестоко?» –
Спросил Алеша у отца.
«Не спрашивай, сынок, до срока,
Как подрастешь, узнаешь сам».

Картины эти, след оставя,
Осели в Лешиной душе.
Вопросов много жизнь поставит,
Живущим вот в такой нужде.

ЛАШМАННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

«Лесными баринами» звали
Лесничих наши чуваши.
При встречах картузы снимали –
И стар, и млад их уважай.

В Тарханах Левченко лесничий,
Над всеми строгий он судья.
Во все он вмешивается лично,
Всех за провинности судя.

В хозяйстве всем необходимы
Дрова и сено, и грибы,
Да ягоды. Но обходили
С опаскою его избу.

Леса действительно обширны,
Сквозь них и за день не пройти.
Шумят-поют деревья мирно,
Их кряжистей и не найти.

Дубы особенно массивны
(Они пригодны для судов).
Лашманы отдают тут силы,
Не перечислить их трудов.

Конечно, тяжела работа,
Коль обладает труд ручной.

Но о семье нужда-забота
Сюда приводит их гурьбой.

Спили дубы ты в три обхвата,
Затем вручную расколи.
Особая нужна тут хватка –
Никто, что трудно, не скули.

Зато о дубе ходит слава,
Об этом знает и Париж.
Но знает истину кто мало:
Сокрыто в славе сколько крыж?

Лашманная работа – тяжесть,
Тяжелый труд – повал лесин,
Когда на руки, плечи ляжет
Пилой владеющих мужчин.

В Алатырь едут ежедневно
С доской добротною возы.
Там перегрузят их в вагоны –
Хоть ты в Америку вози.

И Ваня, старший брат Алеши,
В лашманы вскоре нанялся.
Со взрослыми «хлебает кашу»,
Доход в свою семью внося.

Пора уж черную избенку
Сменить на чистый светлый дом,
Да и Ивану, не ребенку,
Вести невесту в новый дом.

Обед лашманам дети носят,
Бегут ребята босиком.
Алешу с другом тоже просят,
Да сами просятся силком.

В лесу птиц песен гам стозвонный,
В лесу зеленом благодать.
Журчит родник не так уж звонко,
Не прочь кукушка погадать.



А ягод-то! Ты рви хоть лежа,
Грибов! Нагнуться не ленись,
Борщевиком нажиться можешь,
В лесу, что в жизни нужно, есть.

Лашманы детям очень рады,
Светлеют лица, видя их.
Звать лишний раз к столу не надо,
От стука, вжика лес утих.

Хотя на вид усталы лица,
Шутить работный люд не прочь.
– Надумал, Тихон, ты жениться?
На посылки-то охочь?

В карман не лезет тот за словом,
Ответить за троих готов.
– Нет, не дорос еще я «ломом»,
Вот наберу чуть-чуть годков.

– А ты, Алеша, на холсте
Рисуешь суженую, может?
Надул тот губы у куста,
Дерзать кому-то совесть гложет.

А лес стоит себе на диво,
Уставясь молча на людей,
Которые поели живо,
Крестясь спроводили детей.

ЗНАКОМСТВО С ЛЕВЧЕНКО

Любил Алеша летом поле,
И речку, и цветущий луг,
И одинокий дуб на воле,
Растущий в поймах дикий лук.

Лога, овраги Пучамаса,
И бьющие в них родники,
Лесов темнеющая масса
С Алешей с измальства сродни.

Ах, с детства близкая природа,
Душе и сердцу милый край!
Зимой и летом ты пригожа,
Зимой и летом детям рай!

И как бы ни тяжка эпоха,
Природа – для Алеши мать.
В душе останутся сполохи,
Ее умей лишь понимать.

– Для очага нам хворост нужен,
Пусть для зимы лежат дрова, –
Отец заботится о нуждах,
Детей спроводив со двора.

Усердно хворост собирая,
Два брата делом занялись.
Сквозь чащу леса пробираясь,
Тут Левченко к ним заявись.

– Ага, вы молодняк рубили,
Кто вам позволил лес губить?
(Лишь хворостины в куче были)
Но я не стану же вас бить!

Привел ребят во двор свой барский,
– Два дня трудитесь у меня!
От барина не будет ласки,
Пришлось трудиться дотемна.

На день другой в поту два брата
Набили сеном сеновал.
В минуты отдыха в тетрадке
Тайком Алеша рисовал.

Там вышел Левченко в натуре –
Глядел с тетрадки так же хмуро.
Так тройка, гости, терем-дом
В тетрадке вышли чередой.

Себя увидев в той тетради,
Смутился Левченко на миг.

– Рисуй: рисуй ты, Бога ради, –
Сказал Алеше, – что понику?

Поверил ли на деле барин,
Что этот хилый паренек,
Который с детства занемог,
Владеет чудным Божьим даром?

Эх, барин, сколько издевался
В лесу над бедными людьми!
Из них чуть-чуть кто зазевался,
Ты бил безжалостно плетью!

Конечно, барин брезгал теми,
Кто носит лапти круглый год.
Возможно, мальчик бросил семя,
Что дар дает и им Господь.

На милость смягчился хозяин:
– Ходи ты чаще в гости к нам.
А мальчик ковырял козявки,
На этот раз смутившись сам.

Жена лесничего лечила
От хвори-недуга его.
Елей лечебный в душу лила
(Не перескажешь тут всего).

СГОРЕВШИЕ МЕЧТЫ

«Прощай, моя родная школа,
Не твой я больше ученик.
Я не покинул бы «прикола»,
«Симбирск», «Симбирск» в ушах звенит.

Сергей Ильич мне на прощанье:
«Учись ты далее», – сказал.
И я об этом обещаю
Отцу в тот день же рассказал.

«Хочу я тоже, как Григорий,
Поехать осенью в Симбирск».

«Ученым людям меньше горя,
Ученье – не какой-то риск.

Но что Иван, ваш старший, скажет?
Он слишком рано впрягся в труд.
Ведь на него вся тяжесть ляжет,
А тяжестей – пруди хоть пруд».

Двух сыновей отец в июне
В Симбирск далекий проводил.
«Приеду чтоб не остался втуне,
Учитесь не жалея сил».

Но вскоре написал Григорий
Печальное письмо домой:
«Братишке к знаниям путь не торить,
Теперь он тяжело больной...»

Отец Алешу на подводе
Привез домой. Сам думал вслух:
«Что за напасти, Боже вроде
К молитвам нашим не был глух?»

«Мечты! Мечты! Они сгорели!
Мне, видно, счастье не дано!»
В душе уже мечты не пели,
Теперь ей разве все равно?

«Картины рисовать не брошу,
Учиться можно самому.
Тяжелую болезни ношу
Осилю и переломлю».

Алеша начал поправляться,
Ходить по лесу, по полям.
Однажды в поле поравнялся
С ним Левченко, лесничий сам.

«Алеша, голубок, ты дома,
В Симбирске, чай, ты должен быть?»
«Да одолела вот хвороба,
А я ведь только начал жить».



Леса. 1948 г.

«А ну, юнец, садись-ка рядом,
Поговорим попутно ладом,
Прокатимся ко мне домой,
Там ждет тебя подарок мой».

– Спасибо вам большое, барин,
Не знаю, чем благодарить...
– Потом спасибо скажешь, парень,
То, что получишь, рад дарить.

Во весь опор помчались кони,
Не видя впереди преград.
Вот уж села деревьев кроны,
Вот уж домов ряды оград!

«У Левченко какие кони!
В округе лучше не найти!
А наши клячи – точно сони,
Под плеткой ленятся идти.

А этих, знающих овес лишь,
Никак в узде не удержать.
Ни у кого в селе не встретишь
Коней, способных славно ржать».

Так думал Алексей примерно,
Прижать забыв раскрытый рот.
А лошади бежали мерно,
Пока не встали у ворот.

– Приехали! Встречай, мамаша!
Кого привез я, угадай!
Пойдем, Алеша. Хата наша
Тебе открыта, так и знай.

Супруга Левченко встречает
Алешу доброю душой,
Душистым угощает чаем,
А мужу подает крошон.

– Купил я, Леша, в Петербурге
Картины, краски и мольберт,
Купил учебники на торге –
Он твой: весь мой асортимент.

Мальчишку это взволновало –
Подарок слишком уж богат!
Тут красок всяческих немало...
– Спасибо, – сердцем рад.

Такое и во сне не снилось,
А тут – отрада для души!
Есть, видно, все же Божья милость:
Теперь, малой, рисуй, пиши.

С Кардовским, Репиным знакомит
Алешу барин погода.
– Художник сам дорогу торит,
Тут подражанье не годны.

Он ищет образы, находит,
Учась, конечно, у других.



По краю пропасти он ходит,
Бывает буен, также – тих.

Тебя волнует если что-то,
Душевной волю дай струне.
Потом спасибо скажет кто-то,
На труд твой глядя на стене.

Возможно, мысли в беспорядке,
Но их все ж не забывай.
В искусстве строгие порядки,
Ты спешке волю не давай.

Картина каждая по сути
Собой коль радует людей,
Тебя минуют злые шутки
За новшество твоих идей».

Запомнил это крепко Леша,
Пред трудностью не спасовал.
Какую на себя взял ношу,
Он знал теперь и рисовал.

«ЗНАК БОЖИЙ»

И вот век старый спешно минул,
Сил набирает новый век.
Ярмо народ еще не скинул,
Но намечается просвет.

Везде в стране идут волненья,
Народов возмущает гнет.
Тревожат многих и сомненья:
На избавленья шансов нет.

А дни бегут. У Алексея
Одна забота в голове:
«Учиться бы, добро всем сеять
Картинами, не половой».

Спасибо Левченко, поверил
В способность мальчика и стал



Учить тому, чем сам он мерил
Художество, и много дал.

Ивана вскоре он пристроил
При церкви местной в сторожа*.
Лес вывезли, чтоб дом построить,
Путем законным, не дрожа.

«Как мне помочь родным по дому,
Как вырасти здоровым, как?
Не по плечу дела больному,
Для них обузою я так».

В крестьянстве он сейчас бессилен,
Об этом думает день-ночь.
И этой думой обессилен,
Не может мысли гнать он прочь.

«Постой... Иван сказал мне ныне,
Что в церкви нет икон ничуть.
Продажа их крестьянам стынет,
В народе как сие почтут?»


Сумеет ли? И он рисует,
С иконами себя связав,
И Матерь Божию рисует,
О том Ивану лишь сказав.

– Ну, брат, скажи-ка, отличишь ли
Рисунок мой от образца?
– О, Боже мой! Слова тут лишни,
Рисуй, рисуй ты образа.

Портреты сельских богатеев
Рисует тоже Алексей.
Природный дар куда же денешь,
Все удивляются: «Ей-ей!»

«Знак Божий», – говорят селяне
О парне, мастерству дивясь.

**Иван также был псаломщиком, имел хороший голос и музыкальный дар, играл на скрипке, даже сам их мастерил.*



Теперь есть имя и влиянье
И деньги малость завелись.

Похож их дом на мастерскую
Художников. Молва идет:
«Жизнь испытал он мытарскую
Мечты все ж исполненья ждет».

Не выбираясь из деревни,
Кует Алеша мастерство.
Течет без остановки время,
Оно безжалостно, черство.

1899 год. ГОЛОДНЫЙ ГОД

Опять в окрестностях Тархана
Настала горькая пора.
Когда ж избавиться крестьянам
От бед? Приносит их жара.

Палит безжалостное солнце,
Земля засохшая пылит,
У речек выступают донца,
Душа крестьянина болит.

Пустые на полях колосья,
Везде хозяйствует сорняк.
Голодный год пришел в полесье,
Коль гибнет зелень на корнях.

Алеша юноша уж рослый,
Но приковала к дому боль.
«К полям, лугам стези проросли,
Прожить сю зиму шансов ноль».

А Левченко село оставил,
В Полтаве будто бы живет.
На ноги парня бы поставил,
К несчастью, вдруг сменил жильё.

Чай, на погост ему дорога,
Бог, видимо, желает так.

Врачей не призовешь к порогу,
В дому их денег нет и так»,—

В селе так рассуждали люди,
Жалея парня, как родню.
По жалостям таким вот судя,
Не долго Леше жить, поди.

Сам Алексей, кончину чуя,
Душою обострился всей,
Надеялся: его минуя,
Не даст смерть о себе вестей.

Все вдохновеннее рисуя,
Он мастерство свое точил.
О скуке ум не вел турысы,
Успехами труда почил.

Отца, себя нарисовал он,
В их лицах — каждого судьба.
И горе-беды в них навалом,
И жизни видится борьба.

Отец его, вот, Афанасий —
Как выразительны глаза.
В них нет ни капли катавасий,
В них лишь победная гроза.

«Нет, нет, не надо вовсе денег»,—
Порою думает Лексей.
Искусство в нем теперь не вянет,
Его душою принял всей.

Порой, бывает, он не в силах
На лавку у печи падет.
Село изобразит в картинах,
Когда, набравшись сил, встает.

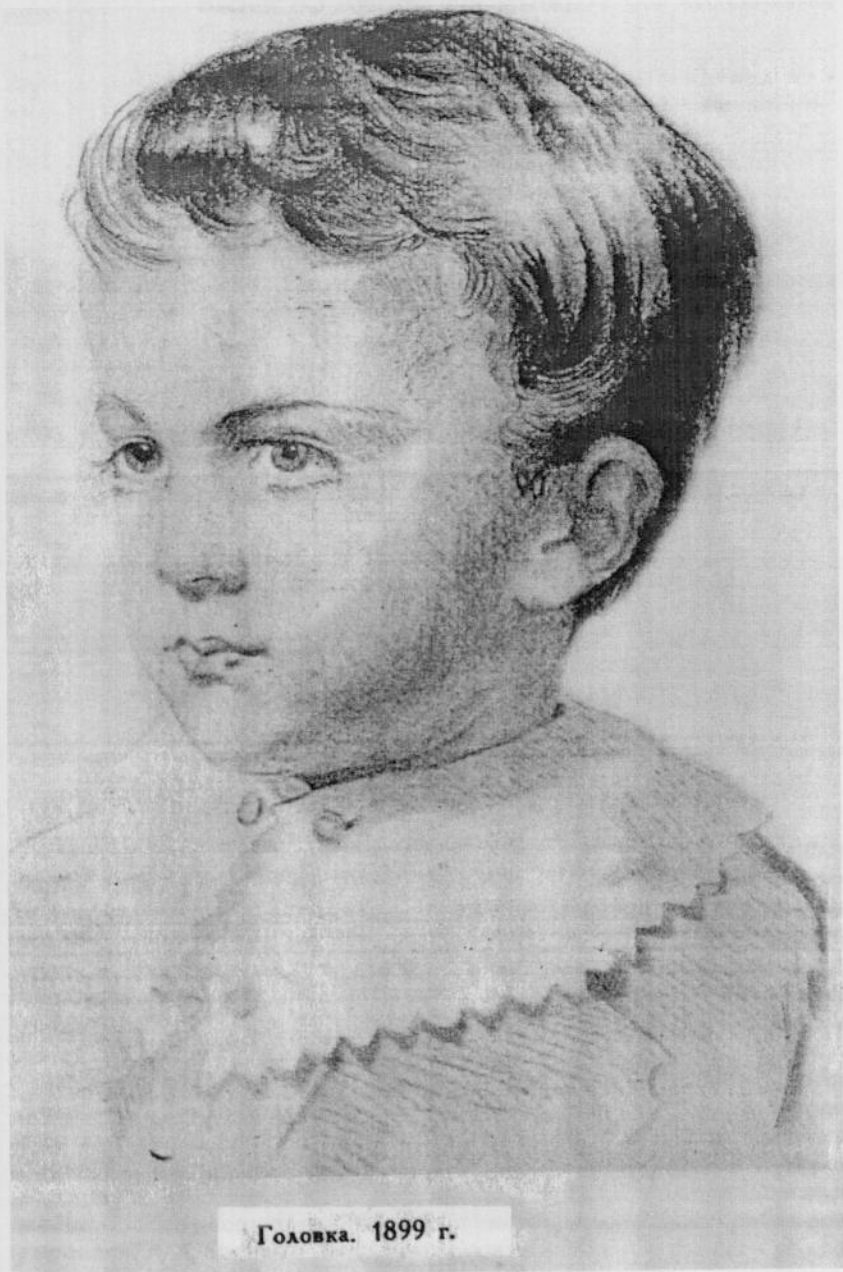
Но что-то часто он в постели:
«Оставь, оставь, болезнь, меня!»
На улицах деревья пели,
Листовою на ветру звеня.



АВТОПОРТРЕТ. 1899 г.



АФАНАСИЙ КИРИЛЛОВИЧ КОКЕЛЬ



Головка. 1899 г.



«НИЩИЙ»

Вот лето позади осталось,
Вконец ослабла солнца прять.
Поляк Раубе*, оказалось,
В село лесничим прибыл жить.

Врачей привез с собою барин
Спасать от гибели крестьян.
И малый крестьянин, и старый –
Немало умерло селян.

Иван, услышав весть такую,
В дом барский тут же поспешил.
– Вы, помня заповедь святую,
Братишке помогите жить.

Врачи с Алешею шутили,
Вселяя бодрость в дух его.
И удивились, и смутились,
Узнав, какой дар у него.

«Да это ж чудо! – рассуждали, –
В такой вот нищенской глуши,
В такой вот от культуры дали
Растет талант большой души!

Какие славные картины,
Какой богатый колорит!

** Вячеслав Иосифович Раубе, управляющий лесничеством, прибыл из Петербурга. Его жена, Мария Вячеславовна, была художницей-любительницей, хорошо знала одного из главных организаторов и руководителей Товарищества передвижных художественных выставок В. Е. Маковского.*

Летом 1899 г. в Поволжье наступила сильная засуха, погиб весь урожай, начался голод. В Тарханах эпидемии и эпизоотии унесли жизнь почти половины людей и всего домашнего скота.

В это время болезнь А. А. Кокеля обострилась, умножилось число открытых ран на теле. Спасла от гибели лишь помощь, подоспевшая из Петербурга. На борьбу с эпидемиями прибыли студенты медицинских и ветеринарных институтов. Среди них оказалась Мария Варганова, близкая родственница В. И. Раубе, студентка Женского медицинского института. По ее настоянию решено было срочно оперировать А. А. Кокеля в Петербурге, а после выздоровления – устроить на учебу в Академию художеств.



Да и изящество-то линий
О мастерстве лишь говорят».

Из них Варганова Мария,
Когда настал отъезда день,
В сердцах коллегам говорила
(А на лицо легла тут тень):

«Коллеги, тут бедою пахнет,
В глуши его талант зачахнет.
Его нам, может, взять с собой
И дать его болезни бой?»

«С тобой, Мария, мы согласны,
Сейчас нуждается он в нас.
Мы так же думаем негласно,
Но ты опередила нас».

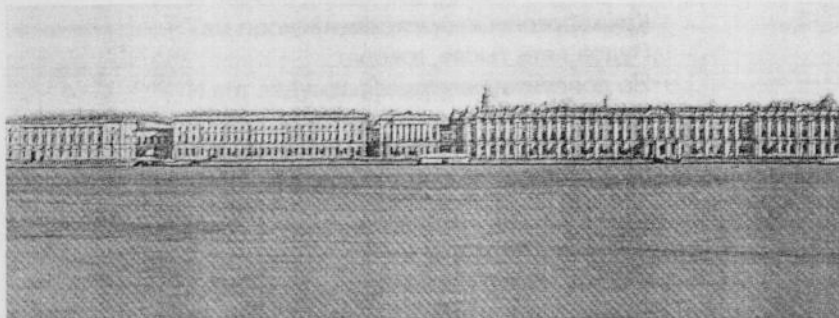
«Возьмем», – они сказали дружно,
Алеша этому был рад.
В дорогу собираться нужно,
В душе маячит стольный град.

День этот Кокель не забудет:
Открыт мечте путь, наконец.
Немало трудностей в нем будет,
Какой-то должен быть венец.

Махали вслед Тархана ивы,
Под ветром ласковым клонясь.
Прощались пажити и нивы
И одинокий в поле вяз.

В округе все добро желало,
Счастливого везде пути.
Дорога длинная лежала,
Ему всю жизнь по ней идти.

Ее начало в Петербурге,
Пока он знает лишь о том.
Еще в какие в мире бурги
Путь приведет – уж знать потом.



В СТОЛИЦЕ

По сути мир всегда двоякий:
Довольство где, там нищета.
Одни живут беспечно, ярко,
В поту – другие, в темноте.

Возможно ли Тарханы сравнить
Со стольным градом россиян?
Там мостовые гладки, ровны,
И ночью город осиян.

Дома высоки, величавы,
Верхами вперлись в небеса.
Соборов золочены главы,
Нева вам кажется без дна.

Прямые улицы широки,
Ведут куда-то без конца.
По ним Алеша ходит робко,
Все удивляет тут юнца.

Везде резьбы искусной полно,
Не город ли страны чудес?
Во сне тут очутился словно,
Но наяву Алеша здесь.

Собор вон Исаакиевский,
Как величав он и красив.

Глаз радуют собора фрески,
Стоит надежно тут массив.

Как колокол выносят балки?
Пудов пять тысяч, говорят.
Не долетят до верха галки,
Кресты на солнышке горят.

Весь в золоте собора купол,
Ушам приятен перезвон.
Глашатая не нужен рупор,
Стекается народ на звон.

Кутузов и Барклай де Толли
Как бы глядят на битвы поле,
Известен им уже исход,
И вскоре предстоит поход.

В соборе хора песнопенье
Вас уведет в небытие.
И нет ни капли страха тени:
Лишь там беспечно житие.

Обилье фресок! И любая
Волшебной кажется тебе.
А нимфа, в древности любима,
Поможет каждому в мольбе.

Но почему в одних соборах
Так много броской красоты?
А живы церкви на поборах,
И красота – привлечь паству.

А мать Раубена решила
Алеше в творчестве помочь
И людям нужным письма пишет:
Покой свой отстранила прочь.

«Бывать он в Эрмитаже должен, –
Подумала она сперва, –
А сын ему помочь в том может,
Поговорила с ним вчера.

Он там охранников начальник
И может парня пропускать.
И парень днями без печали
Там прохлаждается пускай».

И вот задумка Свенторжецкой
(Она же Раубена мать),
Как и хотелось ей сердечно,
Парнишку стала занимать.

Теперь по Эрмитажу ходит
Алеша, духом окрылен,
И дивы дивные находит,
Всему, что видит, удивлен.

Он видит мировую славу
И, как дитя, картинам рад.
Подходит к каждой снова, снова
Он, обходя за рядом ряд.

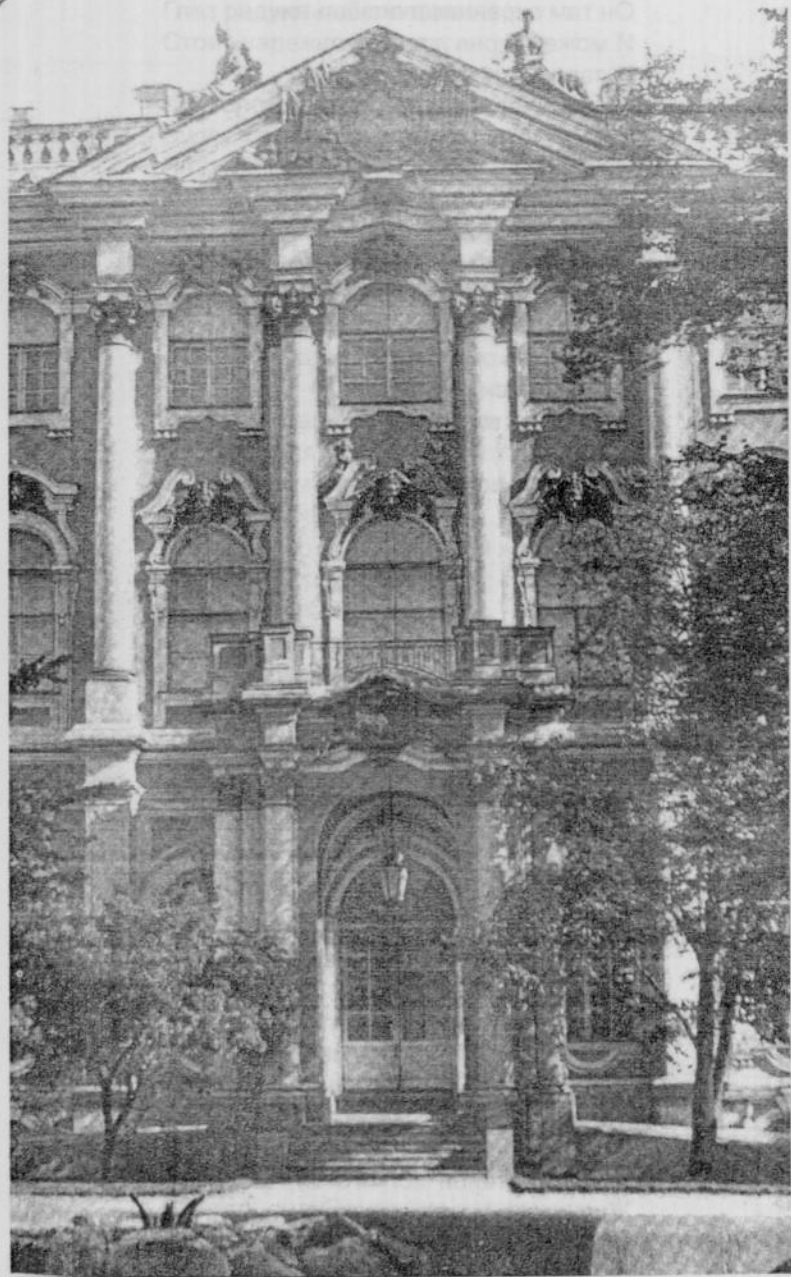
«Джоконда» Леонардо Винчи,
А то Рембранта «Блудный сын»
Заворожительны и нынче:
Для Алексея – точно сон.

А то художников России
С любовью собранный музей...
Картины русский дух носили
Палитрой колоритной всей.


Брюллов представлен, смелый Репин,
Да и Ивбнов и Крамской.
Характеры у русских крепки –
Оставил каждый норов свой.

Вот мастер веточку простую
Изобразил на полотне.
Перед картиной молча стоя,
Живую силу видишь в ней.*

*Речь идет о картине А. А. Иванова.



ЭРМИТАЖ



С насмешливым задором пишут
Письмо к султану казаки.
А бурлаки подмогу ищут –
Шедевры репинской руки.

В картине каждой вдохновенье,
Заметный почерк мастерства,
Души порывов к правде рвенье
И дверь, открытая сердцам.

Алеша наш в глубокой думе:
«Секрет в чем все же мастерства?
Найти зерно в бытийном шуме
Учиться, может, мне сперва?

И день, и ночь в труде потея,
Он, мастер, спорит все со злом.
Порой и он несет потери,
Но спорит дряни всей назло.

Ну что сказать: в труде и кони,
Но выше разум наш стоит.
Не зря же говорят: искони
Прекрасное талант творит.

И это – истина, возможно,
Но я один и одинок.
Вслепую заблуждаться можно,
Что Богом испытать дано?

Изобразить атлантов тянет,
Не получается никак.
Без знаний и дар Божий вянет,
С ума могу сойти я так.

У мастеров, достойны кисти,
Как гармоничен колорит!
Их образы как живы, чисты,
Все о таланте говорит.

И отличительна палитра,
По ней-то руку отличишь



Того, чьим потом-то политы
Картины, что душой ты чтишь.

У каждого своя тропинка,
Проложена она лишь им.
Идя по ней без зова – крика,
Бывает иногда раним.

Но отражая душу в красках
И мысли в образы кладя,
Не думают они о ласках,
Надежд напрасных не плодят.

В рисунках коль секрет заложен,
Ответ лишь в поисках найдешь.
Путь поиска быть может ложен,
Ошибку сразу не поймешь.

Коль думаешь, что все ты понял,
То не размахивай рукой.
Бес срока в в колокол не звонят,
Придет когда-то срок и твой».

Сомнения свои Алеша
В музее кой-кому излил.
И понял он, какую ношу
На плечи Боженька свалил.

То днями он ходил в сомненьях,
То вдохновением пылал,
То в сладких нежился томленьях,
То к черту праздность посылал.

Ему служитель Эрмитажа
Сказал однажды невзначай:
«Ограду нашу – антуража–
Предложил твой земляк, то знай».*

Гляди: пркрасны в Летнем саде
Деревья, статуй стройный ряд.

* Речь идет о П. Е. Егорове.



*Рубенс. Союз Земли и Воды.
Между 1612 – 1615 гг.*



Джорджоне. Юдифь. Около 1502 г.

Такое вероятно в ладе
С талантом, люди говорят.

Но нелегко далось все это –
Росла столица на поту.
Немало крови тут пролито –
Немало писано про то.

Со строны – Петра творенье,
Людская – в истине – нужда,
Кнута и спин народов тренья...
Когда то кончится, когда?

Свенторжецкая сообщила:
«Тебя Маковский попросил
Карандашом создать рисунки,
Старайся из последних сил».

Маковский...
Имя мировое,
Алеша раньше знал его:
В избе своей при вьюжном вое
Учился часто у него.

Он рад такому порученью
И весь в работу погружен.
Но нет опять пути к ученью –
Болезнью он опять сражен.

В БОЛЬНИЦЕ

Палаты, палаты, палаты,
Какая везде чистота!
«Какой же ты требуешь платы,
Болезнь?» – повторяют уста.

Приходят болезни пудами,
Как вражья нежданная тать,
Уходят по капле, с трудами,
Капели первичной под стать.



Рембрандт. Данаïа. 1636 г.

Врачи каждый миг тут на страже,
И ночью, и днем начеку.
Присесь-то им некогда даже,
Раз так суждено на веку.

* * *

Пришла Варганова однажды
В палату Лешу навестить.
Рад встрече был из них тут каждый
И чуть ли не слезу пускать.

– Ну как, идешь ли на поправку,
Как кормят и какой уход?
И если хочешь знать ты правду,
Все реже будет мой приход.



Леонардо да Винчи. Мадонна Бенуа. 1478 г.



Учеба отнимает время,
Экзамены вон на носу.
Пока ращу учебы семя,
Пора и отбивать косу.

Мария с парнем то ли шутит,
Серьезно то ли говорит?
Его сомнениями крутит,
Задором девичьим горит.

– Какой ты скромный, но и хваткий,
Все говорят: «Талантлив он».
Мои к тебе визитки кратки,
Бери-ка к чаю, вот, лимон.

Она к нему поближе села,
Все тараторит без конца.
Но разговор ведет умело
И все ж доводит до венца.

– Ты вспомни-ка альбом свой скромный,
Кардовский восхитился им.
Спросил: « А есть ли что-то кроме?
Пусть даром дорожит своим».

С тобой Сам Бог, считай, ты мастер,
Пусть это радует тебя.
Да пусть поможет Божья Матерь
На ноги встать, крепи себя.

Да вот еще: с другим альбомом
Твоим Маковский тож знаком.
Рисунками, представь, доволен,
Итог знакомства вот таков:

«Дорога для него открыта.
Пусть в академию идет.
Умение в душе сокрыто,
С учебой знание придет».

И это передал Ротаст* мне,
Узнав, что болен, тут лежишь.



Скорейшего выздоровленья
Тебе Маковский пожелал.

Алеша слушает покорно
Живой Марии разговор.
Он благодарен ей, бесспорно,
Как дома встретились, с тех пор.

– Порою мама укоряет:
«Ты балаболъ, но меру знай».
Сама была такой же кралей,
Что укорять, коль ты резва.

Алеша, почему молчишь ты,
Обидела, быть может, чем?
Конечно, скромны вы, мальчишки,
Зачем же скрытым быть во всем?

– Ну что вы? Я ничуть не скрытен,
Скорее, я у вас в долгу.

**Н. П. Ротаст – художник, друг М. Варгановой.*

Его, пожалуй, нечем крыть мне,
Я беден, можно гнуть в дугу.

– Ну до чего же ты наивный,
Речь наша разве о деньгах?
Не станешь с кошельком безвинным,
Не жить без друга ни денька.

– В народе нашем тоже ходят
О дружбе мудрые слова.
Коль двое крепко дружбу водят,
Дурная не страшна молва.

– Вот этот разговор по нраву, –
Она смеется теплотой.
Глаза повеселели сразу,
Лицо приобрело покой.


– Вот принесла тебе я книги,
Читай, Алеша, не ленись.
Болезнь свою облегчишь с ними,
Ну, до свидания, крепись.

Пушком порхнула из палатки,
Оставив парня одного.
Визит ее к Алеше краткий
Забуть заставил о ноге.

Лежит Алеша. Сотни мыслей
Кружатся в голове чредой.
Не следует в болезни киснуть –
Не одиночка он с бедой.

Иметь друзей – всего дороже,
Тем более – в чужом краю,
Иголкой согнуть где он может,
Он пропасти не на краю!

По роду он хотя чувашин,
К нему у них презренья нет.
Пусть и нарядны, чинны, важны,
Несут ему ученья свет.



В примеры Писаревых брать ли:
Людмилу, Инну – дочерей,
К нему относятся как к брату,
Вот только вышли из дверей.

Пришла подруга с ними – Анна,
Дочь Виноградова, – он рад.
Визит троих – как с неба манна,
Душе – как бодрости заряд.

А Инна... Очень боевая,
В тюрьме сидела, говорят.
А речь горячая, прямая,
Глаза как искорки горят.

Впервые от нее он слышит,
Что, если трудовой народ
Капитализма мир сокрушит,
Себе свободу обретет.


«Слова ее, конечно, верны, –
Алеша мыслит про себя, –
Но как избавиться от скверны,
Коль власть их давит на тебя?»

Заснул Алеша незаметно,
И снится Алексею сон.
Мать улыбается приветно,
И ей спешит навстречу он.

И вдруг вокруг все изменилось:
У озера он Пучамас*,
Видны леса, луга и нивы –
Краса родная без прикрас!

У озера, людей пугая,
Склонилось дерево одно.
Обходят стороной, ругая,
То дерево народ давно.

**Название местности в Тарханах.*



К себе не манит это место,
Его боится все село
И отзывается нелестно,
В душе грозитя помелом.

То – место жертвоприношений,
Его название – киреметь.
Порою много подношений
Приносят: полотенца, медь.

С мольбою просят киреметя,
Чтоб горе – беды отводил,
Чтоб духов злых изжил со света,
Чтоб с с тяжкими к ним не ходил.

Алеша видит: ворожея
Над ним колдует, лечит хворь.
На подношеньях душу грея,
Живет безбедно с давних пор.


Со сна его тычками будит
Сосед по койке: «Эй, проснись,
Во сне недоброй бредить будет,
Открой глаза, перекрестись».

Проснувшись, Леша озирает
Палатку, русского Петра.
В глазах его еще играет
Страх запредельный. Видит – зря.

Обход с утра проводит доктор:
– Ну-с, парень, как твои дела-с?
Я сообщу сегодня фактор:
Тебе болезнь зазря далась.

На ноги, Леша, скоро встанешь,
Быть может, и плясать пойдешь.
Коль личностью большой ты станешь,
То к славе путь себе найдешь.

– Большое, доктор, вам спасибо,
Вас не забуду никогда,



Случится если что-то либо,
К вам только обращаюсь тогда.

– Ты только-с не болей, мой милый,
Как можно-с береги себя,
Давай-ка набирай-ка силы-с,
Живи, всегда свой труд любя.

Иван Ильич – его так звали,
Врача-хирурга, люди тут.
С хорошей стороны лишь знали
Врача и благородно чтут.

В СЕМЬЕ ПИСАРЕВЫХ

Мой уважаемый читатель,
Возможно, скучен мой рассказ.
О грехов наших, вон, искатель
Уже готовит едкий сказ.

Слагать роман, или поэму
Не каждому судьбой дано.
Найти, конечно, можно тему,
Но описать то – но и но.

Как говорят у нас, с артелью
Сподручней справить молотьбу.
Труд праведный и скита келье
Нет, не чета моей судьбе.

Помочь едва ли кто-то может
Поэту в тягостном труде.
Его души страданье гложет,
Поможет кто ему в беде?

Но это высказано к слову,
Читатель, можешь ты понять.
Спросить, конечно, снова:
«Где Алексей?» Живет на ять.

За то, что мало образован,
Теперь потеет в три ручья.



Учителем он быть обязан,
Не лишня помощь тут ничья.

Обрел товарищей в столице,
Друзей надежных он обрел.
Стеснялся раньше их прилично
И как чувашин все робел.

У Раубе он жил недолго,
Но будто в доме жил родном.
Теперь, не забывая долга,
Он посещает этот дом.

А нового узнал он сколько
В гостеприемной той семье!
Не получил бы знаний столько,
Живя в своем глухом селе.

А вот поправившись в больнице,
В семье стал Писаревых жить.
Благие для Алеши лица,
Готов он душу им излить.

Живут богато, но пристойно
И, беднотою не гнушась,
Ведут себя всегда достойно
С Алешей. Рад он всей душой.

Дом этот для людей искусства
Надежною опорой был.
К талантам озаренным с чувством
Он отношения слыл.

Деньгами ли, или одеждой,
Иль пищей доброй помогал.
Больные шли сюда с надеждой:
Помогут, кто недомогал.

В имение приехал Грабарь
И, как Алеша, тут живет.
У мастера одна потреба:
За сюжетом творить сюжет.



А то, не выходя из дома,
Он что-то пишет за столом.
Алеше интересно, что там:
– Сижу, я над большим трудом.*

Тут образы людей искусства
Мной будут изображены.
Труд выйдет, думаю, искусным,
И многие будут сражены.

Труд этот, Леша, многим нужен,
Особенно таким, как ты.
А с книгою всегда будь дружен –
Осуществятся все мечты.

У реставратора, считает,
Упорный и почетный труд.
Учись труды других читать ты –
Уменье, труд все перетрут.

– Для древних мастеров темпера**
Любимой краскою была.
Для них она была как вера,
В Соборах лучшею слыла.

Не только там: и в Эрмитаже,
В «Мадонне» Мартини тоже.
Джордано вон нашел в «Юдифе»,
А Тициан – в своей «Данае».

– Ай молодец ты, – хвалит Грабарь,
Известных самых ты назвал.
Получится темперой образ
Без красок и других, то знай.

Они тогда, об этом помня,
Имели свой все ж кругозор.
Был каждый верен Божьей воле,
К Нему был обращен их взор.

* И. Э. Грабарь тогда писал 5 томную «Историю русского искусства».

** Темпера — позолота.

Ведь мифологический образ
Широк по сути и хорош.
Но там всего-то лишь двоякость,
Нужда у мира – не на грош...

Уже в трубе вон воеет вьюга,
Явилась снежная зима.
Тепла не будет долго с юга,
Пока белым бела земля.

«Какая ожидает доля,
Помехи все, помехи все?
Во мне покуда дышит воля,
Сосредоточу силы все.

Приди, приди ко мне удача,
Я знаю, где-то есть она.
И Грабарь то отметил давеча:
«Талант работает без сна.

Ты мумия, коль не рисуешь,
А знаешь, мумия, мертва.
Не трудишься – тогда рискуешь
Опасть на землю как листва.

Коль осень вспомнил, ты гляди-ка,
Какой был мастер Левитан.
Его лес светлый, а не дикий,
Глядишь и станешь там витать.

Оттенков в голубом все триста,
Какое тонкое чутье!
А простота – на первом месте,
Ты это, Алексей учти.

Вот скрыто где оно – уменье,
Зарыт где истинный талант!
Вот где учиться вашей смене,
У этих красочных палат.

Погодно осень наступает,
Погодно падает листва.

Талант в трудах не умирает,
И вечно будет жить молва...»

Порой Алеша незаметно
Владеет в думы глубоко.
Что видит, слышит, все заветно,
Как в детстве мамы молоко.

Но все же говорят в народе:
Гость и желанный – на три дня.
И честь знать время бы уж вроде,
Он никому тут не родня.

Алеша то не забывает,
Знать честь у чувашей в крови.
С мольбертом часто он бывает,
Писать картины норовит.

Портреты Писаревых пишет,
Иль репродукции ли там.
Так он покой в картинах ищет,
Торопиться куда-то сам.

– Труды твои, Лексей, прекрасны, –
То тетя Вера говорит.
Теперь у парня цели ясны,
Душа надеждою горит.

Он с теплотою распростился
С той хлебосольною семьей.
И в путь – дороженьку пустился,
Счастливый рок ища себе.

Сияло солнце. Было лето.
И теплый ветерок ласкал.
Дорог достаточно на свете,
Которая, что ты искал?

Лежачий пень, как говорится,
Годами обрастает мхом.
Раз молод – надо торопиться,
Ленивый не спешит Пахом.

Пути-дороги бесконечны,
Читай, как книгу, не ленись.
Порою образы бесцветны,
А то от радости летишь.

В душе его нет беспокойства,
И сердце радостно стучит.
Он чувствует таланта роста
И не боится уж кручин.

Прощай, мне близкий город Тула,
В столицу путь меня зовет.
Чай, тетя Вера там взгрустнула,
Приехать Грабарь дал совет.

В АКАДЕМИИ

Его фамилия есть в списке,
Сегодня он студент, студент!
Его мечта уже так близка,
Сегодняшний как значит день!

Готов приобрести он знания,
Стараться будет каждый день.
«Куда пришел без рода-званья?»—
Смеется пусть, кому не лень.

«И я ведь человек, — отвечу, —
Скажите, чем же хуже вас?
По мне вам рано ставить свечку,
И не стыжусь, что я чуваш».

Чего скрывать, немало слышал:
«Куда ты прешь, Васyleй Иванч?»
Он с огорчением то слушал,
Но чем же лучше сам смехач?

Известно всем: чувашки скромны.
Трудолюбивы. Но есть сказ:

Когда делили счастье, скромник
Из-за лаптей лишился враз.

Он опоздал. И не досталось
Там счастье. Кто-то спер.
Кому оно тайком досталось,
Домой тогда два счастья пер.

Вот почему чуваш несчастен,
Другим в глаза глядит всегда.
Да будет сто раз чувашин честен,
Не видит счастья никогда.

Лаптей завязывал он шнуры
Уж слишком медленно со сна.
Без счастья всегда он хмурый,
В глазах извечная тоска.

Когда же будет справедливость,
Когда взбодрится он душой,
Когда подаст ему Бог милость,
Когда не будет жить с нуждой?

Радоваться ли Алексею,
С улыбкой или слезы лить?
«Надежда... жить лучше с нею
И бережно ее хранить.

«Выучившись на педагога,
Вернусь в родное я село.
И с помощью Господа Бога
Возьмусь усердно за дела.

Преображу село родное,
Открою школу в радость всем.
Сад заложу, пусть плодоносят,
Пусть радоваться будет чем.

Мечты, мечты... Коротки вожжи,
Как трудно ими управлять.
Один добиться счастье может,
Другие память оставлять.

Но все же, все же у Алеши
Причина радоваться есть.
Хотя и ляжет груз на плечи,
Приятна о приеме весть.

Вот академия! Я знаю,
Что и читатель знает то,
Из чувашей сюда для знания,
Не поступал еще никто.

Ответственность теперь у парня,
Но он народ не посрамит.
Как ни жарка студента варня,
Он выдержит, как бы гранит.

Вот и сентябрь пришел в столицу,
Деревьев праздничен наряд.
Поймал Алеша знаний птицу
И этому всемерно рад.

С ним вместе и другие рады:
Все Писаревы и Ротаст,
Варганова, а также Раубе –
«Учиться силы пусть Бог даст».

Маковский по-отцовски обнял,
Как-будто сына своего.
Давно мечты он парня понял:
«Добьешься, верю, ты всего».

С их помощью нашел квартиру,
Старушка где жила одна.
Но чаще рисовал картины,
Не зная теплого одра.

Маковского же мастерская
Приютом стала для него.
Упущенное наверстая,
Он все переносил легко.

Маковский... Разбудить умел он
Заснувший в человеке ум

И доброе вскрывал умело.
В его картинах много дум.

«Крах банка», «Узник», «Вечеринка»
И «Объяснение» – картины,
Где свежи, жизненны палитры
И точны образы и лики.*

В них человека поведение
И внутренний порыв его
До массы точно доведены.
Учился Леша у него.

Многообразна жизнь студента,
И это нравится ему.
Он крепкий жизненный фундамент
Заложит тут, учась всему.

Сквозь это бурное горнило
Несметное прошло людей.
Читатель дорогой, тож видно,
Бывал в плену тех милых дней.

Начало есть. Конец, чай, будет.
Тогда надейся на добро.
Лексей мечту свое добудет.
И ты желай ему добра.

ПИСЬМО АЛЕШИ


*День добрый, как вы там живете,
Отец и мать, еще Иван?
Вестей, наверное, вы ждете,
И вот письмо пишу я вам.*

*Дела идут пока нормально,
Учусь прилежно, хорошо.
Признаюсь честно, денег мало –
Студент живет и на гроши.*

* Картины Маковского.



ЯМЩИК



Друзья посильно помогают,
Раубены и их родня.
С упреком ласково ругают,
Когда не покажусь три дня.

Но в основном всегда мы ладим,
Причин на разногласье нет.
Мой быт, благодаря им, ладен,
В моей судьбе они – просвет.

Не отстаю от всех в учебе,
Хотя и трудновато мне.
В мечтах уже витаю в небе,
Что и не виделось во сне.

По жизнь я русским благодарен,
Что не сторонятся меня
И безвозмездно благо дарят,
Равняя с русскими меня.

Чего скрывать? Я беспокоюсь,
Ликуя, что грустит душа.
Я добрым людям удивляюсь,
Близка чужая им нужда.

Богатые разнятся тоже,
И каждый по себе живет.
Один всегда в беде поможет,
Другой готов всех «съесть» живьем.

Пожалуй хватит. Сообщите,
Как на селе у вас дела?
В моих словах печаль ищите,
По вам тоска меня свела.

По дому нашему скучаю,
Все чаще вспоминаю вас.
На этом письмецо кончаю,
Здоровья всем.

Алеша ваш.

ПИСЬМО ИВАНА

Твоим вестям мы очень рады,
Спасибо за твое письмо.
Болезней одолев преграды,
Ты, значит, там здоров весьма.

И мы здоровы, слава Богу,
И сносно будто мы живем.
Пусть тяжело, крестьяне могут
Дела свои вести во всем.

Сумели дом большой поставить,
Теперь светло, просторно в нем.
Нам нелегко с деньгами ладить,
Живем в заботах день за днем.


Брат семинарию окончил,
Теперь в селе приход ведет.
По мере сил сумел помочь нам,
В Ново-Буяново живет.

Я дал понять ему намеком,
Что ты вдали живешь в нужде,
Не подвергался чтоб упрекам,
В средствах поддержка, мол, нужна.

Помочь тебе он согласился,
Родителям он слово дал.
Пожалуйста, не побирайся,
Всегда во всем ты будь удал.

Немало на селе событий,
Конечно, все не перечесть.
Перечислять их я не буду,
Но для тебя одно вот есть.

В церковном хоре пела Настя,
С кем ты хотел построить счастье,
Теперь вот замужем она,
Такая ей судьба дана.



Тут говорят, ее украли.
Ну что ж, обычай наш такой.
Родители, быть может, вдали,
Чтоб от молвы иметь покой.

В селе не умолкают споры,
Войну японскую чествят.
Какие слышишь разговоры,
Когда окончить-то хотят?

Туда из сел забрали многих,
Пустует без мужчин земля.
У стариков уж слабы ноги,
Страдает через дом семья.

Ты как-нибудь держись, братишка,
Учебой ум свой развивай.
Не написал ли тут я лишка?
Пищи почаще.

Брат Иван.

* * *

«Не по любви, чай, вышла Настя,
Перечить не могла отцу.
Ее судьба в отцовской власти,
И он ее толкнул к венцу.


Не зря же беспокойно было
В то время на моей душе,
Тревожно как-то сердце ныло,
Но Настя не моя уже.

Тебя любил тогда безмерно,
Во мне пыл этот не угас.
Могла мне быть женою верной,
Не вышло ничего у нас.

Не знала ты тогда, конечно,
Что я люблю одну тебя
И жажду тайно страсти вечной,
Не вызывая в ней себя.



А. А. Кокель. 1905 г.



Был болен, потому стеснялся
К тебе с признанием прийти.
Теперь уж поздно, хоть и кайся,
Желаю счастье с ним найти».

Алеша, горестно вздыхая,
Пребыл в тех милых сердцу днях.
Причины нет кого-то хаять,
Что с ними уж не быть родней.

1905 ГОД

Бурлит, шумит, кишит столица,
В надежде ли, отброшен страх.
Народ толпой идет молиться,
Услышит, может быть, монарх.

В истории тот день известен:
Пред Богом и монархом честен,
В тот день собрал народ Гапон
Под зимний колокольный звон.

Но царь не удостоил чести
Народу внять – дороже власть.
Послал солдат он в целях мести.
И кровь людская пролилась.

На улицах везде знамена,
Как муравьи, народ кишит
И требует режима смены,
Но царь их слышать не спешит.

Народ прозрел и хочет воли,
Не хочет с голодухи пасть
И требует достойной доли,
Но будто бы оглохла власть.

На улицах идут сраженья,
Слышны пальба и тяжкий стон,
И кто-то падает сраженный,
И это не какой-то сон.

Идет борьба за человечность,
За волю и свободный труд.
И хватит быть рабами вечно –
Народ он, разъяренный, крут.

Но силы-то пока не равны,
И потому-то много жертв.
Еще не время драться явно,
Но души нищих гложет червь.

Пред Богом чем же виноваты,
Что вечно нищи, голодны?
За что стреляют в них солдаты,
Что, люди больше не годны?

Нет, не покроет кровью бедность
И не сотрет их нищету,
Но пошатнет монарху верность,
Затем разрубит власть в щепу.

Ходил Алеша к Циммерману*,
Который сходки проводил,
Где бичевал властей обманы,
Сторонников себе плодил.

Вел сходки очень осторожно,
Чтоб ни один не ведал шпик.
А если что чуть не сторожко,
Получат непременно пшик.

Жандарм ли, кучер ли, иль дворник,
Лакей ли, иль швейцарь-позорник
За всеми преданно следят
И с рук господ, как псы, едят.

Алеша изучил программу
Товарищей своих всерьез.
Там правда суцая до грамма.
Ни капли нет умильных грез.

*А. Н. Циммерман – известный ученый-лесовод.



«Кровавое воскресенье» на Дворцовой площади. Эскиз по натурной зарисовке.
1905 г.

«Мои пути-дороги с ними,
И, значит, цели их – мои.
Дальнейший путь решится ими,
И за удачу я молю.

Зиварт*, Матэ**, отважный Репин
На душу искры сыплют мне.
Как все они, я стану крепким
И не останусь в стороне».

Так страстно думая, он Маркса
Офортom вмиг изобразил.
За сей портрет земного Марса,
Известно вам, острог грозил.

Солдаты и казаки – гады –
В тот день стреляли в мирный люд.
Алеша строил баррикады,
Убийцам преграждая путь.

* Э. Ф. Зиварт – заведующий офортной мастерской печатных дел Петербурга.


** В. В. Матэ – профессор Художественной академии Петербурга.

Затем решил быть санитаром,
Чтоб раненых друзей спасать.
Принялся за работу жаром:
В задворки раненых таскать.

Он не заметил, как тут плетка
Прошлась со свистом по спине.
На теле Леши та заметка
Осталось на всю жизнь синеть.

На миг мелькнул перед глазами
Свирепый облик казака.
И ноги понеслись тут сами
Прочь от повторного мазка.

А тех кровавых дней детали
Затем легли на полотно.
Известными картины стали,
Стал сам известным заодно.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Привет! Привет! Село родное,
Околицей дождись меня.
При том скажу тебе одно я:
Ты только не встречай вина.

Село мое, семь лет тут не был,
Но часто вспоминал тебя.
С былым моим смешая небыль,
Во снах я видел тут себя.

Прямые улицы зелены,
Под ивами село само.
В округе этом редки клены
Им где-то зеленеть дано.

Рожденный здесь тут оседает,
Родной ему дорожке край.
Меня по далям грусть снедает,
Ищу взамен себе я рай.

Знакомый каждый вопрошает:
– Да ты ли это, Алексей?
– Надолго, иль малость дней?
– Пожить чуток не помешает.

Картуз свой скидывает встречный,
Земной изобразит поклон.
Чужим покорность их извечный,
Немой поклон их испокон.

«Меня за барина считают,–
Подумал горестно Лексей,–
Они не ведают, не знают,
Что с ними я душою всей.



Женский портрет. 1916 г.

Пока народ наш жалок, кроток.
А если спросишь, почему,
Ответ, конечно, будет краток:
Богатых гнет вина всему.

Бесправный люд страдал веками
Под гнусным гнетом, в нищете.
Батый, затем татары с Камы
Трясли, как семя в решете.

Да и сегодня нам не сладко,
По-прежнему крестьян уклад.
О жизни бедной думать гадко,
Когда ж придет к народу лад?

Один лишь путь: народы если
Насильно в руки власть возьмут,
Придут достаток, мир на веси
И станет в лета время смут».

Пока шагал он полон дум,
Пред ним предстал Ивана дом,
Письмо его ему напомнил,
Сейчас о нем Алеша вспомнил.

Стоит и старый, где он вырос,
От тесноты стояла сырость.
Там баня. Летний там очаг.
Да и сейчас он дорог как!

Пусть ветхий он и почерневший,
Под лоно хочется его.
Пусть неказист теперь он внешне,
Его жизнь началась с него.

Смолою пахнет новый дом,
Теперь изба светла, просторна.
Поставлена в углу одном
Им сотворенная икона.

Бесспорно, дом на загляденье,
Красив – снаружи, чист – внутри.



Иван старался, ночь ли, день ли,
Без отдыха недели три.

С женой со дня судьбы совместной
О доме думали таком,
В мечтах определили место,
Где будет красоваться дом.

И вот мечта осуществилась,
И, наконец-то, с плеч гора.
Теперь нужна нам Божья милость
Детей им здесь растить пора.

У чувашей такой обычай:
Под вечер всей семьей обычно
Лишь соберутся за столом,
Как моментально тихнет дом.

Все слушать новости готовы
И держат уши навростро.
Рассказчик интересен новый,
К нему внимание остро.

Алешу слушали тревожно,
Им, видно, нелегко понять,
Как в подданных России можно
Вот так безжалостно стрелять?

– О Боже правый, царь неужто
Сам приказал в народ стрелять?
– Что рассказал, пожалуй, чушь то,
– Зачем же зря людей терять?

– Не верите? Ну погодите. –
Рубашку спешно Леша снял.
– Теперь вот сами поглядите.–
Рубец там на спине сиял.

– Не врешь ты, брат, тебе мы верим,
Но как же дальше бедным жить?
Мож, смутами не портить нервы,
Царю же подчиняться, ить?



Алеша долго просвещал их
И прокламации читал.
Ему родные не мешали,
И каждый, как он прав, считал.

НОВАЯ ФАМИЛИЯ

Уж на востоке солнце всходит,
День наступает для селян.
Шум-гам со всех сторон доходит,
Спешат крестьяне по делам.

Запрячь успел вон кто-то лошадь,
Прохладной ранью в лес спешит.
Пуста еще у церкви площадь:
С утра всем некогда грешить.

По улицам проходит стадо,
Пыль тучей стелется вослед,
Пока хвоста сего «парада»
Там за селом не канет след.

День летний. Все его моменты
Красою привлекают нас.
И в каждом верные приметы
Находит наш народ подчас.

По ним определяют погоду,
По ним выходят на поля,
По ним беду предвидеть могут,
Живут, Всевышнего молят.

Хлопочут, глядя на соседей,
Бояться, как бы не отстать.
На жатву кто-то первым едет,
Так, значит, – и другим подстать.

Зима обычно ненасытна,
Порой съедает весь запас.
В селе до масленицы сыты,
А после – вынужденный пост.

Хозяйства каждого нужна:
Еды бы вдоволь ежедневно.
«Вам вера для того нужна,—
Поет с амвона поп степенно.—

Сердть Всевышнего нельзя/
Не то вы бед не оберетесь.
Без милости Его неся
Свой крест, вы скоро надорветесь».

* * *

— Кого я вижу! Ты ли, Леша?
Ну, будь как дома, проходи.
Не беспричинная, чай, ноша
Прийти заставила, поди?


Раубе рад его приезду,
В глуши не частый гость такой.
— Ты, значит, твердую породу,
Слыхал, грызешь. Орел какой!

— Да, я студент. Заслуга Ваша.
Но если б Вы не помогли,
Судьбы куда б склонилась чаша,
Куда б пути вести могли?

Давно уже я не был дома.
С картинами сельчан своих
Знакомить появилась дума,
Которые творил для них.

— Спасибо, что не забываешь,
За что тебя благодарю.
Ты не без пользы пребываешь
В селе, без лести говорю.

Приду на выставку, конечно,
Друзей-знакомых приведу.
А может, выступлю и речью,
С людьми полезными сведу.



Кого на улице ни встретит,
Спешит на выставку позвать.
Приезд свой хочется отметить
И мнение сельчан узнать.

– Лексей, какой ты молодчина,
Есть, несомненно, божий дар.
Высокого добьешься чина
Без шумных и ненужных свар.

Его рисунки все хвалили,
Удачи прочили одни.
В конце вопросом завалили:
– *А. Кокель* что за псевдоним?

Алеша отвечал с усмешкой:
– Дразнили нас вы сами так.
Немчиной отдает немножко,
Зато, друзья, звучит-то как!

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР

Талант он отчего зависит,
Его удачи в чем секрет?
Когда над ним тот дар зависнет,
Ответ на это есть, иль нет?

Бывает в жизни и такое,
Что встанешь ты на ложный путь
И пребываешь во покое,
Не находя подолгу суть.

Лягушка соловьем не станет,
А змею не дано летать.
У лебедя особый танец,
Своя у каждой твари стать.

Чуваши говорят обычно:
Из чашки общей вместе есть,
Не каждым разом, как привычно,
Ловить галушку будет честь.

Но я, читатель мой, заметил
То, что в моем родном краю
Любая пташечка приветней,
И сам я будто бы в раю.

По городу идешь столичной,
Как принц английский разодет,
Но чувствуешь себя ты лично:
Пришел на посторонний свет.

Приедешь ты сюда на время,
Чтоб скоренько домой отбыть,
Но невероятное бремя
Тебя заставит тут побыть.

Ты рад бы вырваться оттуда
И это чувствуешь душой.
Но вырваться тебе отсюда
Вопрос дурачески большой.

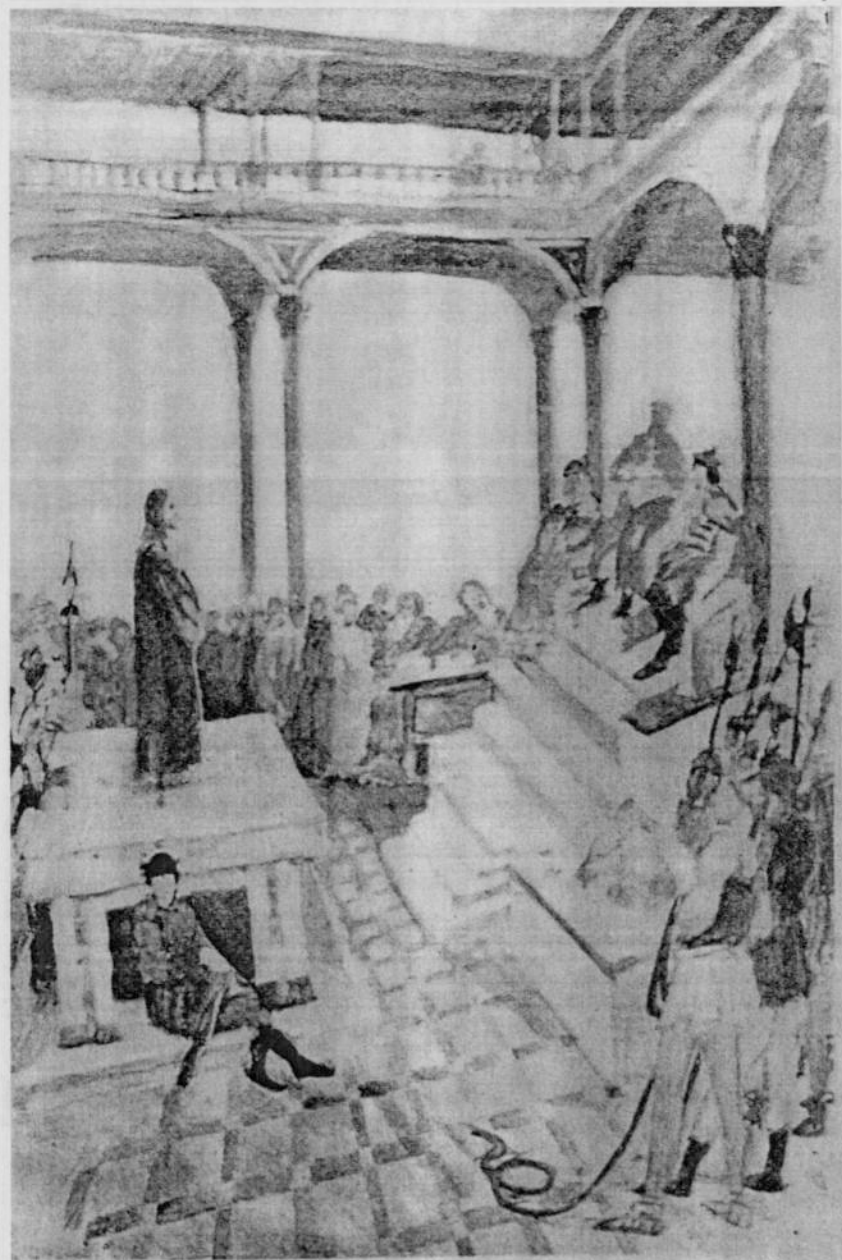
Но на селе другое дело,
Там на глазах сюжет, эту д.
Коль примешься за дело смело,
Твоя картина тут как тут.

Но в чем, вы спросите, причина?
Ответ, как истина, простой:
Земля своя родного сына
Не принимала на постой.

Как никогда Алеша счастлив,
Размеренно идут дела.
«Сюжет чувашский» им отчасти
Взят из родного же села.

Там девушка одна – красotka –
Собою затмевает свет.
Она своей похожа статью
На молодых березу лет.

Она для земляков не чужда,
Они в ней Настю узнают.



Христос перед Пилатом. Эскиз академической композиции. 1905 г.

И в ней, без слов признаться нужно,
Русалку люди признают.

«Чувашскую мадонну» парень
С особой страстью рисовал.
В ней нации своей он корень
Как бы повторно основал.

Работает без лени Кокель,
Плоды приносит труд его.
Волшебный дар не гогель-могель,
Добиться можно с ним всего.

У ОЗЕРА

Безоблачную ночью дева,
Что с коромыслом все стоит,
Глядит на землю как на диво,
Готовая всех напоить.

Кто на луну ее забросил?
Пожалуй, скучно там одной.
У озера Алеша бродит,
Стоит прохлада над водой.

«Придет ли, не придет ли Настя?»
Всю ночь готов ее он ждать.
«Побыть минуточку с нею счастье,
Навстречу, может, ей бежать?»

Со стороны села явилась
Вся в белом, чуть ли не бегом.
А сердце учащенно билось,
Застрял неожиданно в горле ком.

— Настасья, ты ли?
— Я Алеша.
— Тут постоим, пойдем куда?
— Сквозь землю провалиться проще,
Чем ночью выбраться сюда.



*«ЧУВАШСКАЯ ЖЕНЩИНА»
/Портрет Пелагеи Кокель, младшей сестры
Алексея и Германа Кокель/*

Тебя я одного любила,
Но, видно, такова судьба.
Мужская одолела сила,
Поверь мне, Верхний Бог судья.

Меня насильственно украли
И заперли постыдно в клеть.
Согласия с меня не брали,
Вины моей ничуть в том нет.

Как в юности-то я мечтала
Всегда быть рядом лишь с тобой.
А с горя-то я как металась,
Любимый и сейчас ты мной.

– Ах, Настя, Настя дорогая,
Я до сих пор люблю тебя.
Возможно ли представить, как я
За все, за все корю себя.

А завтра мне пора уехать,
Согласна ли сбежать со мной?
– Нет! Нет! Не оберешься греху,
Что скажут люди, милый мой?

Хотя и не люблю я мужа,
Но вместе шли мы под венец.
Подальше от греха, о ужас!
Узнает муж, и мне конец.

Удачи я тебя желаю,
Прости, коль можешь, и прощай.
Жить не легко нам будет, знаю,
Но ты по мне там не скучай.

Лексей один стоять остался
У блеклой под луной воды.
С ней с сожалением расстался.
Но может ей попасть, поди.



Песня. Из «Чувашской сюиты». 1920 г.

У РЕПИНА

Для каждого, кто тут бывал,
Гостеприимен угол этот.
Гостям всегда приют давал:
Зимой ли, осенью, иль летом.

Шагая по прямой аллее,
Приятно слушать шум берез.
На сердце станет веселее,
Душе привольно тут без грез.

Свернешь чуточек ты с дороги,
На берег озера придешь.
А там уж вскоре до порога
Большого дома ты дойдешь.

А в слезно чистом водоеме
Все отражение его.
Растут тут сосны рядом с домом
С десяток, может быть, всего.



«Пенатами» сей дом зовется
Передовыми тут людьми.
По пятницам там речи льются,
Дни эти в радость для семьи.

Хозяин, знаменитый Репин,
Приветливо встречает всех.
Пришли Маковский и Шаляпин,
У Куприна приятный смех.

Сидят вон Бехтерев и Павлов
За круглым радостным столом.
За шуткой весело им, право,
Про Русь их речь пошла потом.

Их будущность страны волнует,
Страдания ее сердят,
Русь любят с трепетным волнением,
От гнета избавлять хотят.

С гостиной рядом в доме этом
Есть помещенье для гостей.
Звон гонга там звучит приветно:
Не отставай, мол, ты от всех.

Но если как-то провинился,
При всех обязан извиниться,
Сказать при том «штрафную речь»,
В сторонке оставляя спесь.

Еще в том доме есть обычай
Лакеев вовсе не держать.
Все сами делают обычно,
Им непривычно лень рожать.

Не ведая чужого пота,
С открытою душой живут.
Их уважают потому-то,
Что бескорыстными слывут.

Но следует предупредить:
Душа коли пуста, дырява,

К ним лучше уж не приходите,
Заметят то с порога прямо.

Разборчив очень Репин в людях,
Он может говорить в глаза.
Уж если кто-то очень нуден.
То на лице его гроза.

– Друзья, хочу вас познакомить
Сейчас я с юношей одним.
Чуваш он. Кто-то может вспомнит,
Как познакомились мы с ним.

Меня сегодня удивил он
Картиной новою своей.
«Чувашская мадонна» дивна,
Глубокая задумка в ней.

День нынешний изображает,
Палитру может выбирать.
Дух нации в ней выражает,
Умея краски подбирать.

– В честь юноши, мои друзья,
Хочу вам новую спеть песню,—
Шаляпин добрый как нельзя,
«Эй, ухнем!» исполняет с честью.

Алеша удивлен: ведь вправду
Не только русскому народу
Известные вон дружат с ним,
Всем сердцем благодарен им.

И верно говорят: в ком разум
Рекою полноводной бьет,
Талантов привечают сразу,
В трудах находят сами свет.

С тобою делятся охотно
Бедою – горем и добром.
Беспечно мимо не проходят,
Всегда приветливы, добры.



– Друзья, со мною, чай, согласны:
Пусть тут рисует Алексей.
Конечно, над собой он властен,
Тут лучше, в мастерской моей.

Он, вижу, хвастаться не любит,
В нем есть и искра, и порыв.
Пусть мастерство свое углубит,
Пусть делает в судьбе прорыв.

Сам Репин с добродушным взглядом
С улыбкой на него глядит.
Известные с ним люди рядом
Тут одобрительно галдят.

Алеша счастлив непомерно
В компании сей непростой.
Трудиться будет он примерно,
Раз приняли тут на постой.

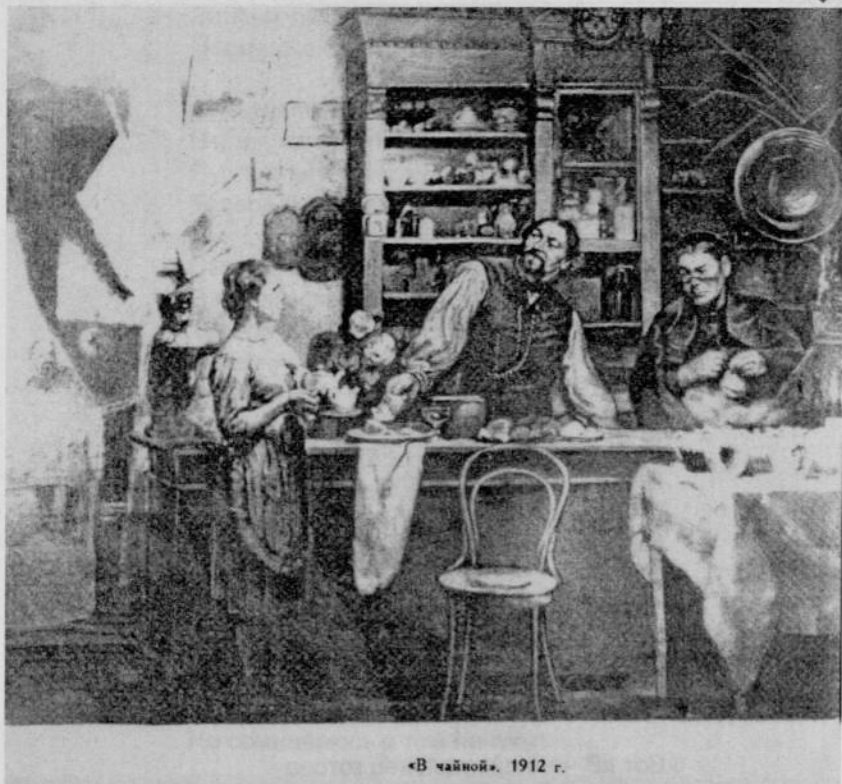
«ТЫ ЯЗВИШЬ КАК ГОГОЛЬ...»

– Вы знаете, дружище Кокель,
На чей похож ваш острый нос?
– Откуда знать?
– Писатель Гоголь
Имел такой, дружище. Да-с, –

Всерьез ли, или, может, в шутку
Кардовский разговор завел.
Старался Алексей быть чутким:
«К моим эскизам ли речь свел?»

Вон на одном мы с другом в детстве
Пошли на зеркало глядеть.
Крестьяне есть в картинном детстве,
Урядник есть – не смей задеть.

Кардовский не заставил ждать:
– Тебе бы обличать как Гоголь,
Картины смелые рождать.
Эскиз-то твой хорош, но только...



«В чайной». 1912 г.

Не обижайся за сравненье,
Крутое нынче наше время.
Хочу, чтоб твой дилломный труд
Был не без пользы, юный друг.

А нос твой, — сам смеется лихо, —
Ну чисто гоголевский, верь.
Кардовского тут понял Леха,
Ему с ним весело теперь.

Да, старший добрыми словами
Младого душу окрылит,
Намеком старый говорит,
Но будет понято то нами.

Задумку года три имея,
Писал картину Алексей.

Себе покой давать не смея,
Корпел он над работой сей.

– Слежу я за твоей работой,
Успеешь ли? Вот что заботит.
А у него внутри горит,
И вот что Репин говорит:

Мне нравится. И я надеюсь,
Что зрители тебя поймут.
– От похвалы такой я рдею,
Мне этих не забыть минут.

И он, всю душу отдавая,
Писал, не покладая рук.
Его сомнения сдувая,
Кардовский тоже хвалит труд:

– Я верю, победит рисунок,
Хотя на первый взгляд простой.
«Суд» конкурсный глубок и тонок,
Заметит труд дипломный твой.


Вот «В чайной» наконец готова
И ждет критического слова.
И, оценив студента труд,
Признал картину лучшим «суд».

Дипломник стал лауреатом.
Газеты тут наперебой
Печатали статьи об этом.
Он предпочтенье дал одной.*

Январские морозы-стужи
Ему как-будто нипочем.
Теперь, как прежде, он не тужит,
Не хуже он других ни в чем.

Сказать честней, наоборот,
Есть у Алеши чем гордиться.

*Здесь речь идет о статье в газете «Правда» (1913 г., 5 января 1913 г.), посвященный творчеству А. А. Кокель.



Заткнет любому тут же рот,
Насмешкою заставь лишь злиться.

Отныне победитель он,
Не зря же пролито столь пота.
Пусть в хате нищей он рожден,
Теперь не беден ни на йоту.

Сын Афанасьев из Тархана
В художестве добьется сана.
Теперь сомнений в этом нет,
О нем узнает скоро свет.

Удачно завершив учебу,
С *Зенковым** удостоен был
Впервые посетить Европу,
В Италии вдвоем побыть.

В ЕВРОПЕ

Героя отправляя в путь,
Уверен, дорогой читатель,
И ты с ним вместе быть мечтатель,
Не сомневаюсь в том ничуть.

По миру ходит поговорка,
Что все дороги в Рим ведут.
Два года парень без мороки
В Европе пожил – там и тут.

В Берлине, Дрездене, конечно,
Он по музеям походил.
По Вене не ходил беспечно,
В Париже Леша в Лувр сходил.

Затем Италия предстала,
Любимый всеми град Милан.
Слух о Флоренции: О, Велла!**
Туда дорога всех вела.

* *Зенков С. Н.* — художник

***Велла* – очень красивый, прекрасный.

Зенков – друг славный и попутчик.
 Сказал Алешке: «Скоро Рим.
 Уж там мы рукава засучим
 И что-нибудь-то сотворим.

Читатель должен знать и это:
 В Париже будучи, ребята
 И к Луначарскому зашли,
 А адрес по письму нашли.

Лесничий Циммерман просил их
 Вручить ему свое письмо.
 Хозяин принял их как милых,
 Доволен ими был весьма.

Работы новые увидев,
 По-детски возбудился он.
 Талант большой в них явно виден, –
 А в голосе довольный тон. –

Да, академия родная
 Талантам открывает путь.
 Европу ими удивляя,
 Свою показывает суть.

В Италии, друзья мои,
 Золотарева* посетите.
 На Капри дом его стоит,
 Письмо мое, вот, занесите.

На Капри же вы познакомьтесь
 Со знаменитостью, не бойтесь,
 Его найдете без труда.
 – А это Горький, да?
 – Да, да...

Охотно это вспоминая,
 Друзья до Рима добрались.
 Они там, устали не зная,
 За труд художника взялись.

* Алексей Александрович Золотарев – писатель. В то же время он на Капри руководил колонией русских поселенцев.



Не только дни, но и минуты
Они там не теряли зря.
Не в тягость вдохновенья пути,
Открылась новая заря!

Неаполь славный, Геркуланум,
Сорренто и Помпеи, Пестум*
Вошли в них до мельчайших пор,
И их с «Джокондой» разговор.

Боргезу** в Риме берегут,
Божественную прелесть эту.
Полюбоваться им идут
Туристы со всего, чай, свету.

Рисуя тут «Джоконду» в раже,
Алеша вспомнил Петербург.
Ее впервые в Эрмитаже
Увидел он, придя в восторг.

Тринадцать лет...
И может быть,
Ему Джоконда помогала?
«Талантливым, запомни, слыть, –
С картины говорит, – не мало».

СОВЕТ ГОРЬКОГО

Италия! Красот страна.
История ее богата.
Античность на века дана,
Всегда хранимая богами.

Равенна сказочной была,
Когда господствовало рабство.
Все в песнях, праздниках жила.
Веселье, шум теперь не часты.

*Города Италии.

**Боргезе – знаменитый дворец в Риме.



А церкви тут как величвы,
Мозаика их красит так.
Труд он велик, вы в этом правы,
Находит счастье в нем мастак.

Италия! Уют соборов
Немало мастеров рождал.
Святым Беато* был недаром,
Таким он за картины стал.

И вправду творчество волшебю.
Искусству лишь благодаря
Веками боги живы. Небо
Не сможет столько нам дарить.

Куда не добирался Кокель,
С собой этюдник прихватив.
Нарисовал с азартом сколько?
Везувия! Он так красив!


Два раза с Горьким повстречался
Он обходителен с людьми.
Совет его в душе остался:
«Трудягу мы должны любить».

В искусстве новое течение,
А кто сегодня зубоскал,
Со временем изменит мнение,
Крепчает днями наш закал»

– Откуда ты? – спросил.
– Чуваш я.
– Да, знаю, трудовой народ.
Скромны и терпеливы ваши,
Я слышал, вы – Улыпа род...

Глубокий Горького совет
Взял Кокель в жизни за основу.
Для наблюдений он – как свет,
Он видел все теперь по-нову.

* *Беато-фра Джованни да Фьезоле (1387-1453) художник Италии. В эпоху Возрождения церковь признала его святым.*



Так, по картине «Итальянцы»
Набросков у него полно.
В ней жизнь показана не в глянце,
Ей душу отдано сполна.

Народ трудолюбив и весел,
А песен, сказов и не счесть.
Тысячелетия те песни
Италии приносят честь.

Язык ли в этом помогает,
Как мелодично он звучит!
Лучи как-будто рассыпает
С намеком: «С Римом не шути!»

Пусть тут они как в сказке жили,
Душа давно уж рвется в Русь.
В тоске сердечко тянет жилы,
Ну а глаза туманит грусть.

Прошли два года не впустую,
Есть зрителям что показать.
Стучат сердца не вхолостую,
Им есть друзьям что рассказать.

«Прощай, Италия – свет мира,
Тебя вовеки не забыть!
Ты стала вдохновенья лирой
Для чуваша. Пора нам плыть».

Так думал возмужалый Кокель,
В порту на пароход садясь.
Он явно слышал сердца стуки,
Души часть оставляя здесь.

А волны моря гладь взрыхляют
И бьют в крутые берега.
А горы мрачные вздыхают:
«Не покидайте навсегда».



Итальянка. Этюд к картине «Итальянцы». 1913 г.

Как после долгого пути
Приятен воздух Петербурга.
Свободно можно тут шутить
В объятьях дружеского круга.

Уж в академии шум-гам:
Там нынче выставка открыта.
Толпятся группы тут и там,
Суждения прямы, открыты.

«Экзотика как хороша...»
«Во всем тадантливы картины...»
«Видна художника душа...»
«Из жизни взяты...»
«И правдивы...»

Картина «Итальянцы» многих
В том месте в группу собрала.
Налюбоваться все не могут.
Она в плен души забрала.

С особым судят интересом,
В них слышно больше похвалы.
Кому же суд такой не лестен?
Таланту мастера хвала!

Чуть поодаль Сверчков* и Котов,
И Котов другу говорит:
«Пролить придется много пота,
Чтоб как земляк тебе творить».

Друзья пока еще студенты,
Для них же Кокель – идеал,
А для Сверчкова – "хамырьял",**
Полезны им его советы.

* Н. К. Сверчков – чувашский художник. В академии он учился вместе с художником П. И. Котовым.

** Хамырьял – земляк.

Он посоветовал им школы
Кардовского и Чистякова:
«Добьетесь многого у них,
Не забывайте слов моих».

С ним познакомился Сверчков
На дне поминок по Серову.
Еще увидел он без снов
В тот день Шаляпина живого.

Сначала тот скорбя по другу,
В приходской ближней церкви пел.
Затем студенческому кругу
Задорным басом песни спел.

– Алеша, ухнем, – он предложил,
Сердечно Кокеля обняв. –
На путь не встанешь, верю, ложный,
Цель твердую свою поняв.


Затем профессора, студенты
Совместно пели допоздна.
Шаляпин был для них презентом,
Сошла к ним будто бы звезда.

С тех пор два года пролетело,
Провел их Кокель вдалеке.
Теперь Сверчков, вон, то и дело
Свой держит взгляд на земляке:

«Каким стал умным, гордым, смелым,
И старшим говорит в глаза.
Теперь он уважаем всеми,
И в свет проложена бразда».

– Эй, хамыръял! – к нему подходит, –
Здоров ли, как идут дела?
Вновь чувашей свела судьба,
И здесь беседа их проходит...

Студент глазаст, ревнив повсюду,
Уже все шепчут по углам:



– Ай, со сверчком ведет беседу
Сей выставки, вон, автор сам.

Собрашийся в фойе народ
На многое ответов просит.
Художник выступил вперед,
Ответил живо на вопросы.

Из чувашей* теперь их трое
В сей академии художеств.
Нет, не бесплоден мир наш вроде,
Родится не один художник.

В МОСКВЕ

Смекнул ты, мой читатель, может,
Порой болеет наш герой.
Тогда печаль меня тревожит,
И сна лишает мыслей рой.

Недуг его я поделил бы
И взял частицу на себя.
Слов лишних в строки я не лил бы,
Героя своего любя.

Но так судьба распорядилось,
Ее не в силах изменить.
А скольких жизни сократились,
Когда б талантам жить да жить.

Такой исход предупреждая,
Уехать подали совет:
– Обостренья не ожидая,
Езжай. Широк наш белый свет.

* После А. А. Кокеля в академии Петербурга учился и Александр Александров. Он родился в городе Цивильске в 1884 году. После окончания академии работал в Благовещенске. Во время гражданской войны, когда в 1920-х годах Япония оккупировала Дальний Восток, умер от тифа. В свое время был известным художником.



А время слишком беспокойно,
Бунты, и голод, и война.
Народ лишается покоя.
И бедствует сама страна.

В такое время покидая
Столицу, прибыл он в Москву.
Надежд больших не ожидая,
Снял угол у реки Москвы.

А жить-то надо, где бы ни был,
Ждать помощи не от кого.
И приняли не так уж любо,
Пойми, мол, сами не того.

А «Общество передвижное»
Подспорьем малым в жизни стал.
Пусть худо-бедно, жить-то можно,
Туда картины он отдал.

«На кухне» и «Портрет семейный»,
А также и «Волжский обрыв»
Печатает журнал известный,
Был Кокель рад, его открыв.

Но на душе покоя нету,
Не для того же пот он лил.
К большому двигался просвету,
Ему теперь вот свет не мил.

«Но за судьбу бороться надо,
Ее мне нужно изменить...»
Последней вести сердце радо:
Надежды протянулась нить.

Ему учитель Репин пишет:
«Готовься Кокель в дальний путь.
В Москве достаточно быть нищим,
Нашли работу, вот в чем суть.

Быстрее в Харьков собирайся,
Училище художеств ждет,



И за работу принимайся,
И добрых, дорогой, надежд».

Рад вести Кокель как младенец:
Надежная работа есть!
Выпрашивать не надо денег,
Ему оказана вон честь.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

Тиха, прекрасна Украина,
Стремился я сюда давно.
Ты перестала быть окраиной,
И вот пожить мне тут дано.

А как же Левченко забыть мне?
Поденно помогал в быту.
Решал, судьбине быть – не быть ли,
В учебе открывал пути.

И если б он руки не подал,
Какая бы сложилась жизнь?
Вполне возможно: в пропасть падал,
Туда толкала, чай, болезнь.

А от судьбы куда же деться?
Но все ж считаю: счастлив я.
Путей-дорог не счесть на свете,
Нашелся путь и для меня.

Привет, Украина, привет.
Тут обрету ли я пенаты?
Причин хандрить мне больше нет,
Я твой весь, Харьков, с этой даты.

Ты светлые мечты рождаешь,
Смягчаешь черствый мой настрой,
Чуть не с объятьем ожидаешь,
И мыслей радужных уж рой.

Заметил в школе Кокель сразу,
Что в классах многогранен труд,



А. А. Кокель (стоит слева) среди харьковских художников-преподавателей. 20-е годы

Что можно поместить во фразу:
«И жнец, и швец, учитель тут».

Да, академии уроки
Для них лишь даром не прошли,
И впитанные ими соки
Тут в пользу школьникам пошли.

Кардовский, Репин их не зря же
Учили методам своим.
Класс каждый ими будь заряжен,
Пойдут уроки в пользу им.

Он к Воробьеву, Прохорову,
Да к Гредескулу, Любимову*
Симпатию свою имел,
Беседы часто с ними вел.



На Западе война гремела,
Из-за чего нехватка средств.
В галоши школа чтоб не села,
Концы концами нужно свести.

Раевских** сцене слава богу,
Что школе их театр помог.
И школа чувствует подмогу,
Святую из святых подмог.

Любимов женится. И не в чем
На свадьбу Кокелю идти.
Раевским и он был замечен,
Смогли те с помощью прийти.

Предложили костюм приличный,
Пришелся в меру тот ему.
Понравился ему он лично,
Но и краснел он по сему.

В работе был он аккуратным,
Талантом был не обделен.
А Русь завязла в деле ратном,
И с каждым днем плохи дела.

ПЕРВЫЙ РЕКТОР

Прошла волна по всей России,
Народы ждали то давно.
Большевиков власть взяли силы,
И бедным воля всем дана.

«Товарищ» слово всюду слышно,
Оно как-будто говорит:
«Для нас вконец-то солнце вышло,
Для нас оно светло горит.

**Воробьев В. П. – профессор анатомии, Прохоров С. М. – преподаватель, художник, Гредескул А. А. – заведующий библиотекой, Любимов А. М. – директор Харьковской художественной школы. Они все в то время работали вместе с А. А. Кокелем.*

***Иванова (Раевская) М. Д. – художница, Раевский С. А. – муж Раевской. Они в Харькове своими средствами содержали театр.*



Чай. 1919 г.


Вставай тогда для новой жизни,
Назад нет старому пути!
Чтоб больше нищими не жили,
Смелее власти руль крути!»

Но слишком враг еще коварен,
По сути он – хамелеон.
Тишком готовится ко сваре,
Живя в народе квёло он.

Вчера кого он ненавидел,
Притворно нынче сладко льстит.
Ведет учет, его обидел
Сегодня кто, готовясь мстить.

А власть провозглашает громко:
«Земля – крестьянам!» «Людям – мир!»
Ведь для того сметен царь с трона,
Теперь беднейший люд не сир.

У Кокеля работы много –
Крутись как белка в колесе.



Но выполняет он их строго,
Идут они исправно все.

Теперь он в техникуме учит,
В вечерней школе, институте.
И нужно успевать везде –
Ответственность и там, и здесь.

Работы эти-то – не малость,
Еще он ходит В Комитет.*
Чужда его натуре вялость,
И «Не могу» в помине нет.

На удивление студентов,
Он ни одну не запустил.
И слышит множество приветов,
Во всех коллегиях он мил.

А Наркомпрос когда предложил
Им ректора себе избрать,
Не стали в тайное играть
«Лишь Кокель ректором быть должен.

Он душу отдает работе
И трудится и день, и ночь.
И сутками о нас в заботе,
И выбрать мы его не прочь».

Сначала Кокель растерялся:
Так неужели ректор он?
Но не привык совсем теряться
Да жмут дела со всех сторон.

Художественная их школа
Теперь солидный институт.
Но времени крутая воля,
Кто мало вырвется из пут.

**После революции А. А. Кокель, кроме основной работы, преподавал в вечернем техникуме, профессиональной школе, коммунальном и строительном институте, трудился в Комитете по новой организации знаний художников Украины.*




Косарь. 1920-е годы

В ТАРХАНАХ

Пора суровая, лихая
В село родное привела.
Грешно, конечно, пору хаять,
С родными коль опять свела.

Прими, прими, село, ты сына,
Прими в объятия свои!
Родное все в тебя, до тына,
Что бережет поля твои.

Вот ко околичному тыну
С волненьем подошел Лексей.



Платочек из кармана вынул
И отдышаться тут присел.

Кругом хозяйничает осень
Во многоцветии листвы.
Видна сквозь листья неба просинь,
Калины красочны кусты.

Стоит в округе тишь какая,
Душе какая благодать!
Нет в городе такого рая,
Там ввек такого не видать.

Да, после шума городского
Блаженный неги тело ждет.
В родных пенатах надо ль много,
Ты рад и кваканью к дождю.

С тобой здороваются чинно,
Знать, помнят, с уваженьем чтут.
Для беспокойства нет причины,
Для них доселе свой он тут.

Поговорить желает каждый,
К делам Российским интерес.
Для них вопрос сегодня важный:
«Когда ко благу перевес?»

– А вправду из Симбирска Ленин?
Знавали мы отца тогда.
Был в школе нашей днем осенним,
Но это было, ой, когда.

Мечту о жизни новой, мирной
Крестьяне внутренне хранят.
Войну своих считают верной,
Фронт белых, верят, будет смят.

И Ленин тоже в это верит,
В доверии он потому.
Откроют вместе счастья двери
В борьбе жестокой. Быть тому.



На беляков карикатуру*
Зло Кокель было рисовал.
Деникина он там натуру
Красногвардейцам открывал.

За что пришлось ему расстаться
С любимым Харьковом скорей.
Никак не мог он там остаться –
Погиб бы от руки зверей.

Себя он верой твердой тешил,
Что красные все ж победят.
С той верой головы не вешал,
Тревожные те дни ведя.

А после Брянского-то фронта
Вновь очутился он в Москве.
Опять нуждался он в «ремонте»,
Опять с врачами случай свел.

Он благодарен им сердечно,
Что вылечили вновь его.
В Москве прошли дни быстротечно,
Он гость тут навсегда-всего.

Читатель знает, он в Тарханах,
Но изнывает там без дел.
У брата гость он не незваный,
Но, кажется, в глуши засел?

Как в Наркомпросе предлагали.
Ему в Симбирск бы заглянуть,
Но в городе людей тиф валит,
Туда закрыт сторонним путь.

Но Кокель не привык впустую
По-барски праздненья дни терять.
Его палитра не пустует,
Картин рисует Кокель ряд.

* Речь идет о картине «Как деникинцы справляют свою временную победу». Она была растиражирована и распространена на фронтах.



Нарисовать он мог бы больше,
Но тут случилось чехарда.
Не ведал случая он горше,
К нему нагрянула беда.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

В деревне бунт. Стучат к Ивану:
– Агент московский, выходи!
– Дом спалят. Ждать того не стану,
Лексей, задами уходи!

Куда там – Кокеля поймали,
Бока как следует намяли,
Затем закрыли на замок,
Чтоб до утра сбежать не мог.

А баня-то – изба родная,
Где Алексей родился, рос.
«Вот и лежу теперь один я,
Ого, как окровавлен нос!

Но неужели смерть тут встречу,
Как до утра мне боль терпеть?
И почему же я не кричу,
Чтоб в небо тотчас же взлететь?»

А в голове одни вопросы:
«Как вырваться, как убежать?
Не умереть же мне так просто.
И рано мне в земле лежать.

Все тело в ссадинах и ноет
И шевельнуться нету сил.
И если не бежать, то может
Кулачество с земли сносить.

Жить хочется. А что я сделал,
Иль мог бы сделать для людей?
Ребенка даже не лелеял,
Не щупал девичих грудей».



Страж революции. 1927 г.



Старый рабочий. 1927 г.

Вот кто-то щелкнул тут замочком,
Знакомый слышит голос он.
«Так это ж Настя! Настя! Точно!
А это явь ли, или сон?»

И вышли слезы тут невольно,
И вырвался невольно стон.
– Мой милый, кончилась неволя,
Беги скорей отсюда вон.

Охранник самогонку глушит,
Ему сейчас не до тебя.
Меня на них обида душит,
Винить готова я себя.

Благодарить Ивана надо
За ключ, который мне он дал.
Получится у нас все ладно,
Охранник лишь бы не узнал.

Пока ты выйдешь на задворки,
Я быстро лошадь запрягу.
Нет, нет, иди быстрее за горку,
Крепись и силы напряги.

Лексей дождался за деревней,
Направили в Алатырь путь.
Несется лошадь споро, ровно,
И даже ей не нужен кнут.

– За нами лишь бы не погнались,
В Алатырь вскоре доведу.
Прощально вслед деревья гнулись,
Алеша не сдержал слезу.

Природа ото сна проснулась,
Окрасился багрянцем лес.
Ночь страшная, нет, не приснилась?
Зачем людей попутал бес?

В НАПРЯЖЕННОЙ БОРЬБЕ

Течения новые в искусстве:
«Новаторы» да «Футуристы» –
Смотрящие со стороны
Слепые, может быть, умны?

Дела решают в Наркомпросе,
А реализм для них уж стар.
Художникам в таком вопросе
Они показывают жар.

«Теперь Пролетискусство наше
По новому идет пути.
Приносит вред искусство ваше,
И с нами лучше не шутить».

Малевич* ли «Квадратом черным»
Заменит прежний реализм?
Проложат ли они путь торный,
Иль канет в лета всякий «изм»?

Явление временное это,
От них не будет и следа,
Они ведь не приносят света,
От них дождешься лишь вреда.

Лишили Кокеля работы
Они – все те же футуристы.
Закрыли даже институт
И без забот себе живут

Ассоциацию** вести
Неимоверно было трудно.

*Малевич К. С. – автор картины «Черный квадрат». В 1920 годах жил в Харькове.

**В то время А. А. Кокель руководил Харьковским филиалом Ассоциации художников Червоная Украина.



Но ту ответственность нести
В то время очень было нужно.

Художники сказали прямо:
«Себя в обиду не дадим.
Ложь победить у нас не вправе,
С народом мы, а он правдив».

Не проведете на мякине
Вы пожилого воробья.
И поговорки вот такие
Верны. Примите на себя.

Когда скульптуры футуристы
Тут понаставили и там,
Народ града от них очистил,
Мол, не нужны такие нам.


Простые люди реалисты,
Они не принимают ложь.
У них всегда-то души чисты,
Им только Правду покажи.

Но пусть меня простит читатель,
Что вовремя не сообщил:
В тех трудностях женился Кокель
К ним и супругу приобщил.

Художница она к тому же,
И Анною ее зовут.
Она души не чаает в муже,
Всегда в согласии живут.

У пары сын родился вскоре,
Зовут Романом малыша.
В троём, не зная об укорё,
Благополучием дышат.

В борьбе тех лет, так напряженной,
Духовно закалился ум.
Считай, что он теперь прожженный
И полон новых, светлых дум.



МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

«А жизнь художников красива, –
Так говорим мы иногда, –
В картинах счастье их на диво,
В почете имена всегда.

Для жизни есть машина, дача,
Квартира, – просто красота.
Для них жениться – не задача,
Детей рожают просто так.

Другим семьей обзаводиться
Жилой квартиры, места нет.
Приходится таким ютиться
В оврагах по десятки лет.

Зайди в иную мастерскую
Художника – разинешь рот.
Увидишь светлую такую,
Ее под самым небом свод».

На внешний взгляд оно, быть может,
Им так и подобает жить?
Они на жемчуга похожи,
Без них и красоте не быть.

Культура – будто хлеб насущный,
Не можем без нее мы жить.
Кто без нее, тот душу сушит,
Богат – кто может с ней дружить.

Издrevле люди это знали,
Оставили гордиться чем.
Рембрандт, Пуссен и ныне с нами,
И Репин тоже дорог всем.

Они через картины живы,
Веками учат красоте.
Картины их, бесспорны, дивны,
Ведь каждый этого хотел.

Но вот художников тех нужды
(Поэты тоже в том числе)
Поймет ли сердцем смертный каждый?
Но не прочтешь то на челе.

Художник сколько пролил пота,
Оценит время как всегда.
Одни теснятся все без счета,
Других обходит, вишь, беда.

Читатель мой, от темы главной
Я специально отошел.
Не осуждай, вернусь к ней плавно,
И ты ведь что-то тут нашел.

Одно и то же: «В прошлом, прошлом...
О современном думай чуть.
Писать о прошлом, видно, проще»,—
Твоих такая мыслей суть?

Ты так ли думаешь, не так ли,
Творцов я долг хочу понять.
Поняв то хоть до малой капли,
Я с сердца тяжесть смог бы снять.

Как в поговорке говорится,
Знай прошлое, идти вперед.
«Пора к герою воротиться»,—
Ты скажешь. Так настал черед.

Он учится, преподает,—
Так поступать диктует время.
Пример студентам подает,
Растить в умах познаний семя.

Чернов, Дерегус и Яценко,
Беседин, Сизиков* его
От сердца уважают, ценят,
Трудом он заслужил сего.

Теперь-то он в большом почете,
Профессор, говорят в поклон.



Ум на лице заметен четко,
Квартира есть, где есть балкон.

Он прежде-то всего художник,
И этим больше мы горды.
Сравнить с любым титаном можно,
От этого легко в груди.

Известны всей стране картины:
«Колхозник» и «Автопортрет»,
«Шахтер» и «На посту», «Рабочему» –
Талантливы, заверил свет.

Дела его идут на славу,
И исполняются мечты.
Им сказанному внемлют слову
И чтят художников чету.

Его фамилия известна,
А с ней – известны чуваши.
Народ не пропадет безвестно,
Коль так к познаниям спешит.

«ЛИКБЕЗ»

– Послушай, Анна, что мне пишут,–
Супруге Кокель говорит,–
На родине поддержки ищут,
Душа о том давно горит.

Из Чувашии, вишь ли просят
Картину им нарисовать,
Которой праздник там украсят,
И я не должен спасовать.

**Дерегус М. Г. – народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР. Чернов Л. И., Беседин С. Ф. – заслуженные деятели искусства Украинской ССР, профессора. Яценко В. Ф. – заслуженный деятель искусства Украинской ССР. Сизиков В. В. – народный художник Украинской ССР, профессор. Их всех в разные годы учил А. А. Кокель.*



Эскиз готов. И есть название.
Задумано оно: «Ликбез».
А для заказа есть призвание,
Картины тож имеют вес.

– Супруга, эй, сюда иди-ка!
Введу в картину образ твой.
Поближе, вот сюда, садись-ка
И вниз направь-ка взгляд ты свой.

Ты мне жена, – а сам смеется, –
Чувашка, значит, ты нутром.
Картину лик твой, мне сдается,
Придаст правдивость. Ну, с добром.

Этюд готов. Но все ж художник
Покоя находить не может:
Чтоб образы крестьян создать,
Живых их нужно созерцать.


По улицам он походил,
И на базары заходил,
Этюдов разных создал много,
Но не нашел он основного.

Где ходит поисков мучитель –
Его «ликбезовский» учитель?
О, зврика! Жена его
Чем не подходит для него!

Он смотрит пристально на Анну:
– О, сколько я тебя искал.
– Оправдываться не стану,
Сидела дома. Что пристал?

– Нет! Нет! Я не о том совсем.
Учителем в «Ликбезе» станешь.
– Не подхожу в эскизе чем?
– Там грамоту совсем не знаешь.

Учитель нужен позарез,
Для этого во всем подходишь.

-
- 
- Не далеко ли ты залез?
– Но время ценное уходит.

Теперь вот тут при свете встань,
Представь себе: меня ты учишь...
Прямой ее в эскизе стан –
Для Кокеля уплыли тучи.

«Ликбез» картина вот готова,
На днях до чувашей дойдет.
В ней тема актуальна, нова,
В ней каждый новшество найдет.

Приходит вскоре в Харьков новость:
Его там, в Чебоксарах, ждут.
Вот поезд набирает скорость,
Дома в окне назад бегут.

«О, край родной! Давно там не был,
И как же встретишь ты меня?
Ты в быль ли превращаешь небыль,
Купцов-буржуев власть сменя?..

В ЧЕБОКСАРАХ

Лаптей, рогожек, кулей город
И город множества церквей,
Он каждому чувашу дорог,
Насмешек пункт чужбины всей.

Насмешек те сам Кокель слышал,
Быть может, в детстве верил в них,
Хотя они презреньем пышат,
Пришлось народу слушать их.

Количество церквей, конечно,
Скорбеть причины не дает.
Уничтожение их беспечно
К досаде повод подает.



Но все же тут вон обновленье,
Чуваш во славу осмелел.
Судьба его теперь в нетленье,
Счастливым стать Бог повелел.

Печатают газеты, книги,
Читает жадно их народ.
И в выпуске журналов сдвиги, –
Будь грамотен, чувашский род!

Художники их украшают,
Картины их на новый лад.
От личных выгод отвращают,
Лишь коллективен их уклад.

А как поэты пишут смело,
Железо режут их слова.
Бичуют прошлое умело,
Течение новое лова.

Тут Шелеби, Эльгер, Ухсай,
Митта – земляк он по району, –
С горячим сердцем Хузангай,
Со всем народом породненный.

Один театр чего тут стоит!
Игра артистов – волшебство.
Свою роль каждый так усвоит,
Живыми видит большинство.

Веселые какие песни,
К укладу новому зовут.
Душа чувашская не тесна,
Веков добро хранится тут.

Растет и город. И с размахом
Как птица тянется все вверх.
И вскоре он, собравшись духом,
Со дна ложбин наверх всплывет.

Профессору все близко, мило:
«Ну здравствуй, – шепчет, – край родной!



Ликбез. 1935 г.

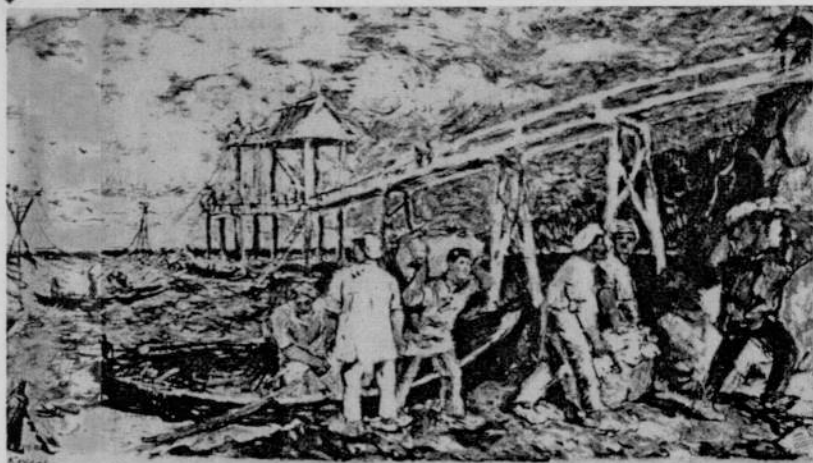
Тут племя наше кол забило,
Прервав кочевный образ свой».

В столицу прибыл и Сверчков,
Друзья-коллеги встрече рады.
Ведут беседу вечером,
Им лучшей не сыскать награды.

Решили тут обосноваться,
Понравилась идея им.
Неплохо было бы остаться,
Но повезет ли им двоим?

Пока им это неизвестно,
Беседуют в тиши ладком.
(Для них день завтрашний – безвестность.)
Решив так, разошлись на том.

Конечно, Кокель жить тут рад,
Ведь для него здесь все по-сердцу:



На соляных промыслах. 30-е годы.

«Себе не буду же я врать,
В жене—то пониманье встречу».

«Ликбез» картину тут по-праву
Шедевром посчитали все.
Газеты подняли на славу,
Пришлось она по нраву всем.

ВСТРЕЧА С ТИХОНОМ

— К вам можно?
— Можно! Заходите!
Мужчина входит средних лет.
— Ой, Тихон же, ходи-поти ты!..
— Вишь, не забыл ведь. Ну, привет!

— С какими ходишь тут вестями?
Ну проходи, поближе сядь.
— Хожу-стучу пока костями,
Хотелось встретиться опять.

Куда беседа не доводит,
А новостей-то набралось.
Оно-то, времечко проходит,
Сколь видеться не довелось.

– Работаю я в исполкоме*, –
Задумчиво вздыхает гость, –
Теперь ведь школа в вашем доме,
Не спас Ивана и мой пост.

Его с Герасимом** забрали,
Отправили без слов в Сибирь.
Они ведь мельницы держали,
Для них тут тесен был наш мир.

Я старый коммунист и чую:
НКВДешники круты.
Самостоятельность любую
Враз принимают за вреды.

Я слышал, правда ли: желаешь,
Сюда приехать навсегда.
Не делай глупостей, ведь знаешь,
Не будет воли никогда.

Случись, пожалуется кто-то,
Припомнят: родственник твой поп.***
Обходятся с такими круто,
Мой этот сказ, запомнил чтоб.

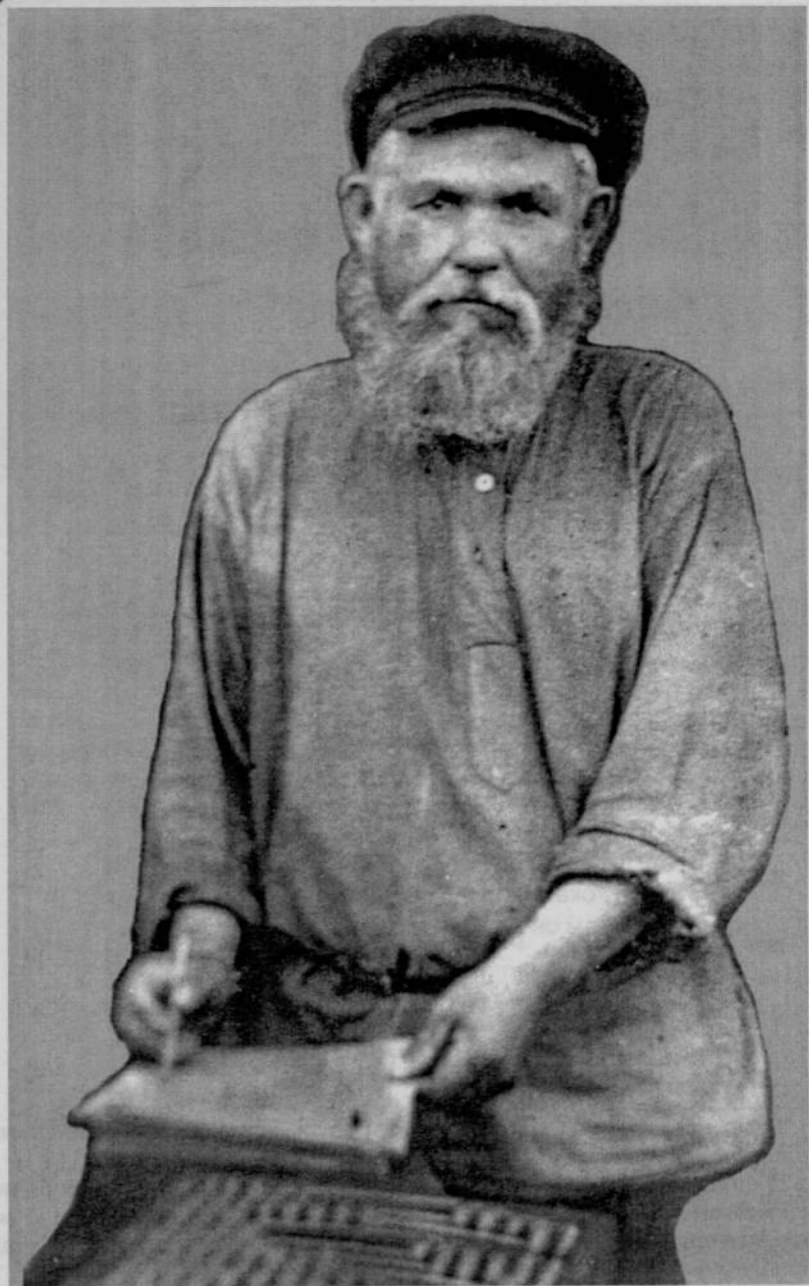
Сейчас не смотрят на заслуги,
Всех зависть из-за них берет.
Мы окажи кому услуги,
Потом он шкуры с нас дерет.

Растерян Кокель. Друг желает
Ему разумия, добра.
Как поступить, он лучше знает,
И потому сто раз он прав.

*В то время Т. Ф. Осипов работал заместителем председателя исполнительного комитета Тарханского района.

**Герасим Пирогов – родня А. А. Кокеля. Его хозяйство было раскулачено. Та же участь постигла и Ивана Кокеля, который не вернулся после тюрьмы в село Тарханы. Подробно о них можно узнать в следующей главе книги.

***Речь идет о брате А. А. Кокеля – Григории (Епископ Герман Алатырский – включенный Синодом Русской Православной Церкви в лику святых).



ОСИПОВ ТИХОН ФЕДОРОВИЧ



– Скажи-ка, друг, дела какие
Тебя в столицу привели?
– Дела, дружище, вот такие:
Боюсь, тебя бы не смели.

Ты думаешь, кто кулаки?
Ведь настоящие трудяги.
Нам поощрять бы вот таких,
Они в неволю в землю лягут.

Спускают сверху предписанья,
А ты молчи и выполняй.
У них план выполнить призванье,
А тут людей в Сибирь гоняй.

Порою злость меня берет:
За что на каторге страдал я?
На деле, честь свою берег,
Итог: напрасные страданья.

Знал Ворошилова, представь ты,
В Луганске я работал с ним.
Что с нами в будущем-то станет,
Пойдем вперед путем каким?

Пожалуй, хватит. Душу смягчил
И скинул тяжесть плеч долой.
Сказал все, ничего не пряча,
Теперь, мой друг, пора домой.

А слушать Кокелю занятно,
Он много нового узнал.
Предупредил его гость внятно,
Теперь не ждет судьбы завал.

В рутину эту не заманят,
Сто благ хотя бы посулят.
Родная сторона и манит,
Но жизни связь с супругой свят.



Автопортрет. 1936 г.



СУРОВЫЕ ГОДЫ

«Порядки новые» пришли
На Украину, – шумит всяк сброд, –
Большевиков года прошли,
Сметем с лица земли такой род.

Москву мы скоро подчиним,
Народ поставим на колени».
«Какие важные чины,
Москва когда знавала плена!»

Не удалось уехать в тыл,
Теперь семье терпеть придется.
У армии хватает сил,
Пока им нужно притерпеться.

А «новые хозяева»
Велят учить все в институте.
Отделался от них едва:
Ослеп я. Этим не шутите».*

Он сжег архив из-за фашистов,
Что сжечь-то было у него.
Он занесен был в черный список,
Могли те обыскать его.

Шаляпин, Горький, Луначарский,
Маковский, Репин и Кардовский
Да Чистяков к нему писали,
Теперь, как жалко, их не стало.

Но жизнь на свете их дороже,
И бдительность нельзя терять.
Преподнести сюрпризы может:
Ведь палка может тож стрелять.

Картины он надежно спрятал
И успокоился затем,

*Перед началом войны глаза А. А. Кокеля были оперированы.



Ведь времени он зря не тратил,
Остался сам доволен тем.

Роман вон и супруга дома,
Болеют оба от нужды.
Особо похудел сын Рома,
Лекарства, пища им нужны.

С днем каждым жить им тяжелее,
Здоровье начало слабеть.
Становятся фашисты злее
И пуще начали наглеть.

Как вырваться из сего ада?
Как прежде, с честью жить когда?
Быть может, подчиниться надо?
О нет! Пустеет жизнь тогда.

Пошла жена вот на поправку
И стала на базар ходить.
Там навела у бабок справки
И дружбу начала водить.

А цель ее совсем простая:
На снедь этюды продавать.
И днями на базаре стоя,
На стол хлеб стала подавать.

Однажды (было то зимою)
До дома еле добралась.
– Мать, что случилось-то с тобою?
За непосильный труд бралась?

– Алеша, – отвечает тихо, –
Фашисты изверги на деле.
Сегодня насмотрелась лиха.
– Скажи, пожалуйста, в чем дело?

– Они на Ильича руке
Героев вешали сегодня.
Тащили вверх их на крюке.
Скажи, куда же это годно?

Знарок академиче-
ский

Профессора живописи
Харьк. Худож. Института
Кокель Алексей
Афанасьевича

5780

12542



Академический знак А. А. Кокеля.

Кто дал им право измываться
Над этим памятником вождя?
Они не думают смываться,
Беды на головы не ждя.

Профессор сердится: Когда
Они в Европе сил набрали?
И льется кровь уж сколькои года?
А скольких, скольких в плен забрали?..

Для всех день светлый потемнел,
Округи даже опустели.
Страну фашизм на нет свел,
Но и они в галошу сели.

Уже профессор замечает:
Фашистов лица потемнели.
Глаза германцев потускнели,
Растерянность их отличает.

Вот наша армия придет
И спросят у него: «Профессор,
Работать заставлял агрессор?»
Ответит: «Раб мне не идет.

Я честь свою, нет, не испачкал,
Нет, не склонил я головы.
Я верил, что вернетесь вы,
И с первых дней я ждать вас начал».

ВСТРЕЧА С УХСАЕМ

На улицах стоит шум-гам,
На лицах радости улыбки.
«Красноармейцы, слава вам!
Хай живе молодцы – парубки!

Освободите нашу землю
От наглой гитлеровской орды.
Чтоб дух исчез от силы темной,
Чтоб сгнули в своем Одре!»

Профессор болен. С ног его
Свалил былой несчастный голод.
Худой. Не хочет ничего.
В постель загнали голод, холод.

Но не поддался он врагу.
(Как ненавидит он его.)
Как ни было им тяжело,
Не бил пришельцам он челом.

Стучится кто-то у двери:
– К вам можно?– голос-то спокойный.
– Пожалуйста,– глазам не верит;
В дверях стоит его знакомый.–

Вперед пройдите, не стесняйтесь,
Как дома почувствуйте себя,
Сюда, пожалуйста, присядьте,–
На гостя он глядит, любя.

А гость военный (капитан),
Его вид бравый, стройный стан.
Речь начал голосом спокойным
(Как-будто вовсе не военный):



– Меня, быть может, не узнали?
Ухсай, чувашский я поэт.
– Ну что вы? Сразу же узнал я.
Спасибо вам. Пролили свет.

Не видел чувашей давненько,
Теперь мне полегчало как,
Боль в теле отошла маленько,
Помог мне ваш приход вот так.

Спасибо вам от всей души,
Теперь свободнее дышу.
Беседа стала добродушной,
А, может быть, немножко грустной.

– Вы в Чебоксары перебраться
Хотели, знали все о том.
Вас очень ждали там собратья,
Скажите-ка, причина в ком?

– Заминка вышла, да, родной, –
Профессор медленно глаголет, –
Причина не во мне одном,
И обстоятельства неволят.

Открыл он без утайки душу
И рассказал о тех годах.
Он вспомнил и Ивана, Гришу.
Тогда витал над всеми страх.

– Судьба... Что сделаешь?.. Я сам
Тогда перетерпел те муки.
Где только ни был, тут и там
Одни завистливые лики.


Донос строчил ведь твой же друг»,
Писатели всегда зубасты...

– Да, да, таков он жизни круг,
Одной судьбой страдаем часто.

Конечно, каждому известно:
Родной твой край – всегда родной.



Колхозник-ударник. 1936 г.



Там каждый угол – сердцу место,
Плохой картины – ни одной.
Признаюсь: в мыслях день и ночь
Бываю я в родной деревне.

Конечно, и сейчас не прочь
Обнять там милые деревья.

Но о поездке я не мыслю.
Душою к Харькову привык.
Да, с Чебоксарами не вышло,
Ушел вагон, поймите вы.

– В путь выйти никогда не поздно,
Не все потеряно еще.
Вам сообщу я чуть попозже
О положении вещей.

(Скорей читатель пусть узнает,
Ухсай свои слова сдержал.
С победою он вспоминает,
Профессору как слово дал.

Из Ужгорода в рождество
Он Кокелю в письме так пишет:
«За нами, друг мой, торжество,
Вас ждут в родимой Чувашии...»)

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

«Споткнешься утром – на целый день», –
В народе сказано не зря.
Судьбе бывает нас не лень
Трясти безжалостно зазря.

«Вот приняли! Теперь солдат я!
Отец, меня благослави.
Ты, мама, там не сокрушайся,
Предела нет моей любви.



Служить Отчизне – честь большая,
Я не останусь в стороне.
Врага со всеми сокрушая,
Я честь свою не уроню.

А в институте, мои родные,
Учиться буду я потом.
Успею, годы молодые,
Не беспокойтесь вы о том.

Ну как мне в стороне остаться,
Как людям мне смотреть в глаза?
Не роду нашему так статься,
Когда над Родиной гроза...»

Слова письма звучат душевно,
К родным Роман их написал.
Но к светлой молодой душе-то
С косою-пулей рок пристал.

Теперь в гробу лежит несчастный,
Его вот только привезли.
Кажись, вот-вот проснется статный,
Но смерть-то чутко тело зрит.

Лежит в гробу мечта-красавец,
Единственное их дитя.
«Судьба, зачем играешь с нами,
Лишая ровного житья?

Зачем бездушно отнимаешь
Ты счастья так у пожилых?
Зачем наследника лишаешь,
Не оставляя род в живых?

Зачем на головы седые
Зо злостью валишь столько бед?
Суша так годы молодые,
Семье наносишь тяжкий вред?»

Его похоронили вскоре,
Квартира Кокелей пуста.



К могиле тропочку проторив,
Поденно у дитя чета...

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Общителен на удивленье
В природе человечесий род.
Не вынося уединенья,
От скуки он спешит в народ.

Откуда столько силы в жизни,
Подневно человек берет?
Антеем побеждая козни,
Стремится он всегда вперед

А тот же, кто душою хилый,
Коль как-то попадет в беду,
Никак не наберется силы
Достать счастливую звезду.

Другой, чуток добившись славы,
Грудь колошматит: «Наших знай!»
А третий, лишь с бутылкой бравый,
Себе в вине находит рай.

Родится кто-то незаметно,
Так незаметно и помрет.
Стремится к цели кто заветной,
Того и время не сотрет.

В нужде труд создал человека,
Мы часто любим говорить.
Слова, идущие из века,
Толкают Кокеля творить.

Минута каждая в учете:
То в выставках прими участие,
То посещай ты институт,
С студентами встречайся тут.

Художников больших наследье
Известны до конца не всем.



АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ



АННА АФАНАСЬЕВНА КОКЕЛЬ



То об оставленном их следе
Ему есть поделиться чем.

Да конференцию решили
В Москве со всеми провести.
И Кокель речь готовит живо –
Ему там выступить в чести.

Хотя не молод он годами,
Старется все успевать.
Бежит от старости трудами,
Привыкший с детства не зевать.

По всей стране друзей немало,
Всех поименно не назвать.
Друзей хороших время дало,
Он помнит, каждого как звать.

С утерей кровного Романа
Душой и телом Кокель сник.
Глубокой оказалась рана,
Печально отразился лик.

Как дальше жить? Для утешенья
Есть, слава Богу, институт.
А для душевного забвенья
Испытанное средство – труд.

Супруги, от душевной раны
Избавиться в сердцах хотят
(В решение этом оба равны),
В квартиру приняли дитя.*

Земляк профессора Кутузов,**
Тогда армейский генерал,
Имел с ним дружеские узы,
Роль благодатную играл.

*Речь идет о враче Н. А. Волковой. После войны ее сиротские годы прошли в семье Кокеля.

**Генерал-майор Н. И. Кутузов в то время служил под Харьковом. Он родился в с. Верхнее Турмышево.



С военным близость шла на пользу
(Он в мыслях этого хотел):
И вскоре он солдатом позы
На полотно запечатлел.*

В беседах часто земляки
Село Тарханы вспоминали,
Когда зачислят в старики,
Пожить в краю родном мечтали.

МОНОЛОГ КОКЕЛЯ

Товарищ, завтра юбилей мой,
На праздник соберу друзей.
Но из Чувашии далекой
Нет никого из близких всех.

К тому же, Павлов** вон как пишет
(Чуваши едва ли скажет чище):
«Забыв о нашей стороне,
Искал почета в стороне».


Конечно, я родной свой род
Не вправе хаять без причины.
Немало вынес наш народ
И терпеливо гнул он спину.

Из них был счастлив редко кто,
Лишь единицам шла удача.
Из пут не вылезал никто,
Кого застигла незадача.

Талантов скольких засушила
Нам Богом данная судьба,

*Речь идет о картине А. А. Кокеля «Бойцы на привале».

**В. П. Павлов. *Собрание сочинений. 1 том. Чебоксары, 1962, с. 140. В статье «На выставке картин» 1928 года» писал так: «Художник Кокель – имя известное. Его, вероятно, во всех уголках России. Но он забыл свою родную сторону и свое имя старается распространять в других местах. В его картинах чувашские образы не находят места. Можем ли думать, что он, как чувашский художник, может принести нам пользы? Нет».*



И песни звонкие глушила
(Всевышний Сам Себе судья).

Спасибо Левченко за то,
Что прирастил ко Украине.
Спасибо Репину за то,
Что в дом меня, как сына, принял.

Для украинцев тут я свой,
Для россиян я тоже свой.
Хотя в краю родном не жил я,
Своим признает Чувашия.

Скажу совсем без хвастовства,
Моя фамилия в устах
Слышна порой и европейцев –
Честь для чувашских-то умельцев.


Я кто, скажите между делом,
Ответ каким же будет ваш?
Да правильно, душой и телом
Я свой, я коренной чуваш.

Судьбу свою не укоряю,
Такое чуждо для меня.
Какой бы ни была корявой,
На благо имя не менял.

В родной деревне смерть явилась,
Но Настя выжить помогла.
В меня тогда ее страсть влилась,
Иначе быть и не могло.

Злой рок лишил меня наследства,
Не оттого ль жизнь не полна?
Лишений много видел с детства,
Но не сломила та волна.

Тепло души, богатство знаний
Без платы отдал я юнцам.
Тайком не требовал я званий,
Всегда открыто шел к сердцам.



Село родное, земляки
Для сердца моего не чужды.
А бед ни вынесли каких,
Нутром я принимал их нужды.

Зажженный Левченком огонь
Во мне до смерти не погаснет.
Тут в Харькове оправдан он –
В людской раздул его я массе.

Я Чувашию не забыл,
Хотя и не пришлось там пожить.
Вдали от родины я был,
Следов моих не знала пажить.

Причина не во мне одном,
Вы это знаете прекрасно.
Хоть сожалею я о том,
И тут я прожил не напрасно.

Как сверстник Тихон говорил:
«Не жить в спокойствии двулично...»
Порой сквозь слезы я творил,
Такое для трудяг привычно.

Справляю завтра именины,
Мне будет семьдесят и пять.
Родные все мои невинны,
Что праздную без них опять.

Могли ли мать с отцом помыслить,
Что из своих трех сыновей
Одних оставить кто-то мыслил
Родителей в избе своей?

Лихое время разбросало
Их по чужим углам страны.
А вскорости двоих не стало,
От рук бездушной сатаны.

Иван, брат самый дорогой,
В Сибири беспричинно сгинул.



Скажите мне, какой изгой
С седла его бездушно скинул?

Ну что, что мельница была?
Трудом своим ее построил.
Трудом своим семья жила,
Брат планы радужные строил.

Дом брата* новый разорен,
А мельница бесхозно сгнила.
Там, видимо, растет бурьян,
Нечистая гуляет сила.

С тобой, родной мой брат Григорий,
Достаточно учились мы.
Разнились хоть пути-дороги,
Не довели нас до сумы.

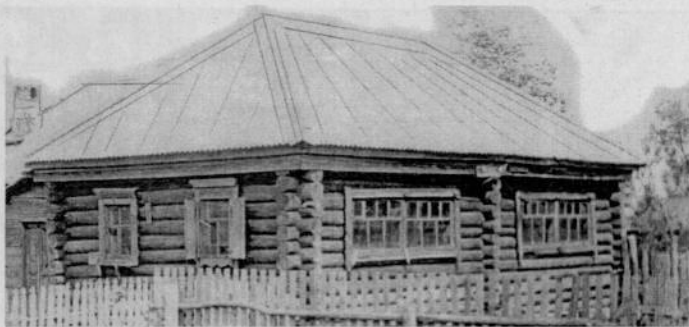
При трудностях построил школу,
Благодаренья не нашел.
В полах ты не улучшил долю –
Навстречу Бог ли не пошел?

Хотя и стал архиереем,
Отправили тебя в Сибирь.
Партийных не смягчить елеем,
Не действует на них имбирь.

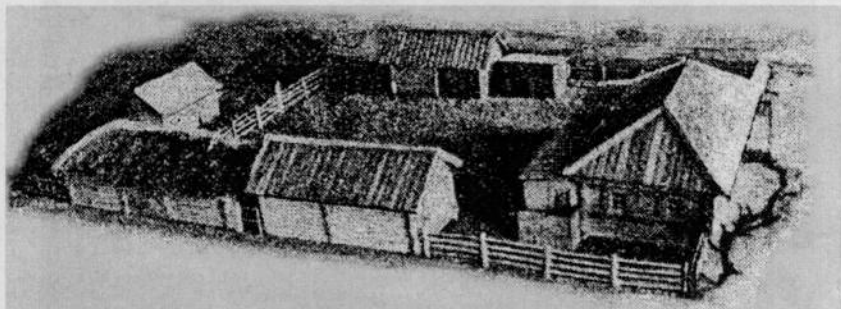
«В родном краю попы опасны», –
Подумали в НКВД.
А уговоры тут напрасны,
«В Сибирь скорей семью веди!»

И вот из братьев жив один я.
Живу от дома далеко.
Известно миру мое имя,
Далось мне это нелегко.

**Дом сохранился. Вначале это было здание школы. Теперь там – музей А. А. Кокеля. Для его организации много сил приложил учитель-художник Валентин Порфирьевич Сергеев.*



Дом (ныне музей А. А. Кокеля) И. А. Кокеля в Тарханах



Усадьба И. А. Кокеля. Макет художника В. П. Сергеева

Справляю завтра именины,
Прибудет множество друзей.
У плитки возится, вон, Анна,
Моей опора жизни всей.

Я ей от сердца благодарен,
Супруге преданной моей.
Судьбой самой мне друг подарен,
И я всегда был верен ей.

Мой завтра праздник, друг-товарищ,
Будь в мыслях завтра ты со мной.
Душой я молод, темя варит,
Вровень шагать хочу с тобой.

Мечты, мечты! Конца их нету.
Куда они не доведут.
Труды мои не канут в лету,
К народу годы приведут...



Памятник А. А. Кокелеву в Харькове.

Мой уважаемый читатель,
Рассказ мой подошел к концу.
Сюжетов острых ли искатель?
К другому я привел венцу.

Каким рассказ мой получился,
Его читателю судить.
В стихи мои печаль стучится,
Не мог другое я прудить.

В далекой древней Украине
Покоится художник наш.
Партийной отказав рутине,
Вдали покой нашел чуваш.

А на его могиле вскоре
Был памятник сооружен.*
Ученики его тут споро
Другарей подняли «в ружье».

Профессора могила чтима,
Всегда там свежие цветы.
И памятью о нем гонимо,
Не гоже прятаться в кусты.

Для нас художник сей великий,
Ему от нас хвала и честь.
Им нарисованные лики
В моих стихах не перечеть.

Он вечно в памяти народной
Неугасимо будет жить.

* Авторами памятника были: Г. Д. Сова — скульптор, заслуженный деятель искусств Польской Народной Республики и его жена Л. И. Жуковская.



Дар, даденный самой природой,
Не перестанет радость лить.

Коль речь о Кокеле идет,
Нельзя и Сеспеля* забыть нам.
В Чернигов след его ведет,
Схоронен к тамошним могилам.

Быть может, я совсем не прав,
Мой уважаемый читатель?
Такой уж, извините, нрав,
Мне жаль, что вдалеке лежать им.

В земле родной куда спокойней
Лежать телам. Душам покойных,
Наверно, легче тут витать,
С родными рядом обитать.

Земли прекрасной, ты, чувашин,
Наследник славный предков наших,
Детей по миру разбросав,
Не забывай их адреса...

Товарищ, вспомни, я писал
Об обитателях Тарханов.
Их вклад в историю не мал,
С тех памятных времен всем ханов.

Они – села родного слава,
Но их могилы далеко.
Из них достоин каждый слова,
Вписать сюда всех нелегко.

Скажи, чуваш, земли ли мало,
Иль славы ищешь в стороне,
Иль что неведомо позвало,
Чтоб колесить по всей стране?

В каких краях ты ни был только,
В числе которых – Сахалин.

* М. К. Сеспель (Кузьмин) – чувашский поэт.



«Покоя не ищу нисколько,
Буксирная дана мне жизнь».*

Как мастерски умел трудиться
Скромнейший мой земляк Петров.
Говаривал, когда озлится:
«Хлеб не бывает без трудов».

При песенке «В селе любимом»**
Сердечко только защемит.
И вспомнит девушка о миллом,
А парень о любимой мнит.

Волшебная той песни сила,
Я верю, вечно будет жить.
Мы с юности в душе носили
Сердца связующую нить.

Имен, известных всем, тарханских,
Пожалуй, друг мой, и не счесть.
Но на слова хвалы и ласки
Имеет Кокель больше честь.

Чувашский первый наш художник!
Искусства пик ты покорила.
Твои картины важны, нужны,
В них творческих источник сил.

«Профессор Кокель вышел родом
Из славных, – говорят Тархан».
Ты – вечно в памяти народной,
Навечно чувашам ты дан.

* Строки из стихотворения поэта А. Андреева (1937-1968 гг.). Он трагически погиб на Сахалине.

** Песня композитора А. Петрова, уроженца с. Тарханы, на слова Ю. Скворцова. А. Петрова похоронили в Чебоксарах.



**Слева направо: поэт Николай Кушманов,
художник Анатолий Кокель.**


* * *

Выходим молча из музея
Профессора июльским днем.
Навстречу теплый ветер веет,
Печать спокойствия во всем.

Невольно прихожу я к мысли:
В трудах коль для людей живешь,
То в памяти их не умрешь.
Давайте помыслом жить высшим!

**1978-1989 гг.
Тарханы – Чебоксары.**

(Перевод М. А. Ставского)



**Произведения
КОКЕЛЯ АЛЕКСЕЯ АФАНАСЬВИЧА**

1. Казанская богоматерь. 1898. Б. акв. 22,2x17,8. ЧГХГ.
2. Анютины глазки. 1898. Б. акв. 25x20ч ЧГХГ.
3. Альбом №1 с рисунками. 1899. 20 л. 23:8x32,5 ЧГХГ.
4. Альбом № 2 с рисунками. 1900. 25 л. 22:4x30,2. ЧГХГ.
5. Портрет отца. 1899. Уг. кар. 16x12,5. МУИ.
6. Портрет брата. 1899. Кар. б. 13x12,5. МУИ.
7. Автопортрет. 1901. Паст. акв. кар. б. 35x25. МУИ.
8. Автопортрет. 1903. Паст. б. 28,7x31.
9. Голгофа. 1903. Акв. г. б. 51,5x42:5. ЧГХГ.
10. Портрет чувашской женщины. 1906. М. х. 81,5x72. ЧГХГ.
11. Мужской торс с верхним освещением. 1906. М. х. 80x53. ЧГХГ.
12. Натурщик. М. х. 78,5x53. 1906.
13. Натурщик-ракурс. 1906. М. х. 58x108.
14. Мужская модель с кувшином. 1906. М. х. 98x66.
15. Академическая дача. 1907. М.х. 45x66. ЧГХГ.
16. Петушки. 1907. М. х. 26x81. ЧГХГ.
17. Уральские заводы. 1908. М. х. 42,5x44. ЧГХГ.
18. Натурщик с черепом. 1908. М. х. 66x100.
19. Женский торс. 1909. М. х. 80x52. ЧГХГ.
20. Черное море. Евпатория. 1909. М. х. 37x73. ЧГХГ.
21. Эскиз «Се человек». 1909. Б. г. 17x25. ЧГХГ.
22. Голова натурщицы. 1909. Б. уг. 63x48. ЧГХГ.
23. Портрет женщины в бордовой шали. 1910. М. х. 90x52. ЧГХГ.
24. Обнаженная мужская модель с желтой драпировкой. 1910. М. х. 92x62,5. ЧГХГ.
25. Мужская модель. 1910. Б. тон. уг. 91x56. ЧГХГ.
26. Мужская модель. 1910. Б. тон. уг. 91x64,5. ЧГХГ.
27. Женская модель. 1910. Б. тон. уг. 95x65.
28. Фигура раввина. 1910. М. х. 79x52. ЧГХГ.
29. Эскиз картины «В чайной». 1910. М. х. 40x58.
30. Эскиз картины «В чайной». 1910. Уг. г. б. 58x81.
31. Эскиз картины «В чайной». 1910. М. х. 44x71. ЧГХГ.
32. Эскиз картины «В чайной». 1910. Г. б. 27,3x47,7. ЧГХГ.
33. Эскиз картины «В чайной». 1910. М. х. 43x56. ЧГХГ.
34. Эскиз картины «В чайной». 1910. Б. бел. кар. черн. акв. 23,5x36. ЧГХГ.
35. Эскиз картины «В волостном правлении». 1910. Б. санг. акв. тушь, перо. 17,7x25,3 — ЧГХГ.
36. Христос перед Пилатом. 1910. Б. санг. акв. тушь, перо. 17,7x25:3. ЧГХГ.
37. Женская модель. 1910. Б. уг. 91,5x60:5. ХГХМ.
38. Натурщик. 1910. Б. уг. 91x62.
39. Обнаженная мужская фигура со сжатыми кулаками. 1910. Б. уг. 91,5x63,5. ЧГХГ.



Автопортрет. 1937 г.

40. Обнаженная мужская фигура с наклоном. 1910. Б. тон. уг. 92x60. ЧГХГ.
41. Обнаженная женская фигура. 1910. Б. уг. 91x41. ЧГХГ.
42. Обнаженная женская фигура со спины. 1910. Б. тон. уг. 91,7x43,5. ЧГХГ.
43. Полулежащий обнаженный натурщик со спины. 1910. Б. тон. уг. 90,5x59,5. ЧГХГ.
44. Сидящая обнаженная женская модель в сложном ракурсе. 1910. Б. тон. уг. 92x66. ЧГХГ.
45. Обнаженная мужская модель с поднятыми руками. 1910. Б. уг. 91x60. ЧГХГ.
46. Обнаженная мужская модель, сидящая. 1910. М. х. 78,5x52,5. ЧГХГ.
47. Обнаженная женская модель. 1910. Б. уг. 91,5x53. ЧГХГ.
48. Обнаженная мужская модель, лежащая. 1910. М. х. 53x78. ЧГХГ.
49. Обнаженная женская модель со спины. 1910. М. х. 99x56. ЧГХГ.
50. Обнаженная мужская модель. 1910. Б. уг. 91x64,5. ЧГХГ.
51. Эскиз картины «В чайной». 1911. Б. тон. коричн. кар. уг. бел. 52x73. ЧГХГ.
52. Рисунок к картине «В чайной». Деталь. 1911. Б. тон. санг. мел. уг. 70,5x46. ЧГХГ.
53. Хозяин. Рисунок к картине «В чайной». 1911. Б. тон. коричн. кар. 63x47,5. ЧГХГ.
54. Эскиз для стенной росписи. 1911. Б. акв. 13,5x13. ЧГХГ.
55. Эскиз для панно на религиозную тему. 1911. Б. акв. 15x17. ЧГХГ.
56. Слушают музыку. набросок из альбома. 1911. Б. кар. 17x20. ЧГХГ.
57. Мальчик в красной рубахе. На обороте: Обнаженная натурщица. 1911. М. х. 81x53. ЧГХГ.
58. Официантка. Этюд к картине «В чайной». 1911. М. х. 102,8x58. ЧГХГ.
59. Христос перед Пилатом. 1910—1911. Б. акв. г. 32,5x24. ЧГХГ.
60. Эскиз евангельского сюжета с Христом. 1906—1911. М. х. 23,5x45,5. ЧГХГ.
61. Мужской портрет. 1911. Б. кар. уг. 34,5x28,7 ХГХМ.
62. Обнаженная натурщица. 1911. М. х. 81x48.
63. Крестный ход. 1911. Б. тушь, перо. 16,5x24,5. ХГХМ.
64. Бабушка. Этюд к картине «В чайной». 1911. М. х. 87x62. ХГХМ.
65. Официантка. Рисунок к картине «В чайной». 1911. Б. уг. 88,5x58. старый рабочий
66. Официантка. Этюд к картине «В чайной». 1911. М. х. 102x56.
67. Портрет. Рисунок. 1911. Б. уг. 33x27.
68. В чайной. 1912. М. х. 184,5x246,5. Вольский городской художественный музей, Саратовская область.
69. Старуха. Этюд к картине «В чайной». 1912. М. х. 86x60.
70. Хозяин. Рисунок к картине «В чайной». 1912. Б. санг. уг. 37x29.
71. Голова старухи. Рисунок к картине «В чайной». 1912. Б. уг. 34x26. МУИ.
72. Эскиз картины «В чайной». На обороте: Полулежащая женская фигура. 1912. М. х. 82x103. ЧГХГ.
73. Художник перед мольбертом. 1912. Б. тон. акв. г. кар. 36,7x29,6. ЧГХГ.
74. Альбом с набросками. 13 листов. 1912. Кар. итальянский.

75. Итальянский этюд. 1913. М. х. 23х33. ЧГХГ.
76. Итальянский этюд. 1913. М. х. 23х31. ЧГХГ.
77. На берегу Средиземного моря. Италия. 1913. М. х. 36х45. ЧГХГ.
78. Итальянка. 1913. Б. уг. санг. мел. 71х41. ХГХМ.
79. Эскиз картины «Итальянцы». 1913. М. х. 24,5х37. ЧГХГ.
80. Итальянский пейзаж. 1913. Б. акв. 20,5х38,5. ЧГХГ.
81. Итальянка. Этюд. 1913. М. х. 59х35. ЧГХГ.
82. Итальянка. 1913. Б. мел. санг. уг. 70х44.
83. Башня. Этюд. 1914. Б. акв. 33,5х25. ЧГХГ.
84. Из былин. Эскиз. 1914. Б. акв. бел. 21х38.
85. Из былин. Эскиз. 1914. Б. г. кар. 21,4х36,3 ХГХМ.
86. Итальянцы. 1914. М. х. Местонахождение картины неизвестно. Была на весенней выставке в Петербурге в 1914 г.
87. Семейный портрет. 1914. М. х. Местонахождение картины неизвестно. Показана на Весенней выставке в Петербурге в 1914 г., на 44 выставке Товарищества передвижных художественных выставок в 1916 году.
88. У церквуши. 1915. Б. тон. сепия. 31х44. ЧГХГ.
89. Автопортрет. Из альбома. 1915. Б. кар. 27,5х19.
90. Тверь. 1915. Б. кар. 19,6х29,6. ЧГХГ.
91. Улица в Твери. 1915. Б. кар. 19,5х24,5. ЧГХГ.
92. Тверь. 1915. Б. кар. 17,5х26,5. ХГХМ.
93. Старушка в шляпе, сидящая в парке. Тверь. 1915. Б. кар. 24,5х19,5. ЧГХГ.
94. Вид из окна. 1915. Б. кар. акв. г. 28х19. МУИ.
95. В городском саду в Твери. Из альбома. 1916. Б. кар. 17х26,5. ЧГХГ.
96. Акации. Евпатория. 1916. М. х. 50,5х108.
97. Березовая роща. 1916. М. х. 107х71.
98. Пейзаж. Харьков. 1916. Б. кар. г. 22,9х34,9. ЧГХГ.
99. Две обнаженные женские фигуры. 1915—1916. Б. кар. 34,3х26,2. ЧГХГ.
100. Крымский берег. 1916. Б. кар. акв. паст. 25,5х33. ЧГХГ.
101. Автопортрет. 1916. Кар. «Негро», б. МУИ.
102. Натурщица. 1916. Б. сан. 28х14,5. МУИ.
103. На Черном море. Алупка. 1916. Б. акв. паст. 25,5х36.
104. Пейзаж. 1916. Б. акв. тушь, перо. 16,5х23. ЧГХГ.
105. В городском саду в Твери. 1916. Б. кар. 15,5х20,8. ЧГХГ.
106. Сидящий натурщик. набросок. 1916. Б. кар. 36х28. На обороте: Три композиции и три наброска тушью и пером. ХГХМ.
107. Натурщица. 1917. Б. ит. кар. 11,8х24. ЧГХГ.
108. Святогорск. Кладки. 1917. Б. акв. 25х35. ЧГХГ.
109. Пригород Харькова. 1917. Б. акв. 25,5х32. ЧГХГ.
110. Сидящая обнаженная фигура. Из альбома. 1917. Б. кар. санг. 34х26. ЧГХГ.
111. Весной. 1917. Б. акв. 21х28,5.
112. Святогорск. Общий вид. 1917. Б. акв. 25,5х34.
113. У монастырских стен. Святогорск. 1918. Б. акв. 25х35.
114. Вид с меловых гор на Донец. Святогорск. 1917. Б. паст. 25х35,5. ЧГХГ.

115. Два наброска. Из альбома. 1917. Б. санг. 28x35,5.
116. Натурщик. Набросок. 1917. Б. санг. 34x25,5.
117. Сидящая фигура. 1917. Б. кар. санг. 34x26.
118. Голова натурщика. 1917. Б. уг. санг. 29x23.
119. Художник А. И. Титов. 1916—1917. Б. санг. 36x28. ЧГХГ.
120. Портрет. Размышление. 1917. Б. акв. санг. 40x32,5. ЧГХГ.
121. Ярмарка. Лошадь с телегами. 1917. Б. акв. 14,7x24,5. ЧГХГ.
122. Пейзаж. 1918. Б. кар. 31,4x78,1. ЧГХГ.
123. Осенний парк. Этюд. 1918. М. х. 40x44,5. ЧГХГ.
124. Портрет художника М. Бражник. 1918. М. х. 63x50. ЧГХГ.
125. Извозчик. 1919. М. х. 137x105. ЧГХГ.
126. Профиль женщины. 1919. Б. гр. кар. 55x23. МУИ.
127. Эскиз картины «Извозчик». 1918—1919. Б. кар. акв. 36x28. ЧГХГ.
128. Эскиз картины «Извозчик». Два варианта. 1919. Б. акв., зелен, тушь. 28x31. ЧГХГ.
129. За самоваром. 1919. Б. черн. акв. г. тушь, перо. 17x23. ЧГХГ.
130. Девушка. Из «Чувашские сюиты». 1919. Б. акв. цв. кар. 18x24. ЧГХГ.
131. За пивом. Из «Чувашской сюиты». 1919. Б. кор. кар. акв. г. 26x33,7. ЧГХГ.
132. Санний путь. Из «Чувашской сюиты». 1919. Б. акв. тушь, перо. 17,5x25,2. ЧГХГ.
133. Девушка в национальном костюме. Из «Чувашской сюиты». 1920. Б. паст. кар. 23x33. ЧГХГ.
134. Санний путь. Из «Чувашской сюиты». 1920. Б. акв. г. 29x44. ЧГХГ.
135. Голова старика с бородой. 1920. Б. кар. тушь, перо. 11,6x9,5. ЧГХГ.
136. Торговка рыбой. 1920. Б. акв. г. 24,5x31. ЧГХГ.
137. Демонстрация. 1920. Б. акв. бел. 28x22. МУИ. 138. Венчание. Чуваши. 1919—1920. Б. акв. г. 17,4x25. ЧГХГ.
139. Сено собирают в стога. 1920. Б. кар. 22x29,4. ЧГХГ.
140. Пейзаж. 1920-е гг. Сепия, б. 28x42,5. ЧГХГ.
141. Анна Афанасьевна. 1921. Б. кар. акв. 22x22,2. ЧГХГ.
142. Натурщик в шубе. 1922. Б. кар. 39,6x24,2. ЧГХГ.
143. Старик с бородой. 1922. Б. кар. 34,5x22,9. ЧГХГ.
144. Старик с бородой (с пробором). 1922. Б. кар. 31x23. ЧГХГ.
145. Старик. Набросок. 1920. Б. кар. 23x19,5. ЧГХГ.
146. Беспризорник Ванька. 1924. М. х. 51,5x41. ЧГХГ.
147. Женский портрет. 1920—1925. Б. кар. 34,7x23. ЧГХГ.
148. Феодосия. Сарыголь. Из окна. 1926. Б. акв. 23,5x28. ЧГХГ.
149. Рыбная ловля. Эскиз. 1926. Б. акв. 18,5x30.
150. Автопортрет. 1926. Б. уг. санг. 25,5x20,2.
151. Украинская хата. 1926. Б. кар. акв. 16,8x24,2. ЧГХГ.
152. Старый рабочий. 1927. Б. кар. санг. Местонахождение не установлено. Показана на 1-й выставке Ассоциации художников Червоной Украины, Харьков.
153. Никополь. 1927. Б. на к., акв. г. 18,5x28,8. ЧГХГ.
154. Крестьянин. 1927. Б. кар. санг. Местонахождение не установлено.



Показана на 1-й выставке Ассоциации художников Червоной Украины, Харьков.

155. На посту. Страж революции. 1927. М. х. Местонахождение не установлено. Показана на Всеукраинской выставке 1927 г.

156. Никополь. 1928. М. х. 21,5x30,7. ЧГХГ.

157. Эскиз картины «Рыбная ловля». 1928. Б. кар. акв. г. 20x34,2. ЧГХГ.

158. Эскиз картины «Рыбная ловля». 1928. Б. кар. акв. г. 22,3x3.9,6 ЧГХГ.

159. Эскиз картины «Рыбная ловля». Феодосия. 1928. Б. кар. акв. 20x31,3. ЧГХГ.

160. Кирилловка. 1929. Б. акв. 17,5x24. ХГХМ.

161. На берегу Азовского моря. 1929. Б. акв. 14,5x19. ЧГХГ.

162. У каменных стен. 1929. Б. акв. 18x26. ЧГХГ.

163. Единоличница. 1930-е гг. М. х. 118x99. ЧГХГ.

164. Селянин. 1930-е гг. На обороте: Эскиз картины «В чайной», М. х. 100x83. ЧГХГ.

165. Портрет жены художника. 1931. Б. ит. кар. 36,3x27,5. ХГХМ.

166. Награждение ударницы. М. х. Местонахождение не установлено. Показана на выставке НКПУ в 1931 г.

167. Азовское море. Ейск. 1932. Б. кар. 27x29. ХГХМ.

168. Колхозный рынок. 1934. М. х. 75x99. ЧГХГ.

169. Эскиз картины «Ликбез». 1934—1935. Б. кар. акв. 21x26,9. ЧГХГ.

170. Весной. 1935. Б. гр. кар. уг. акв. бел. 21x28,5. МУИ.

171. Ликбез. 1935. М. х. 125x182. ЧГХГ.

172. Звонница. 1936. Б. акв. 26,4x23.8. ЧГХГ.

173. Автопортрет. 1936. Б. уг. 50,5x38,5. ЧГХГ.

174. Автопортрет. 1936. Б. уг. 53x40.

175. Рисунок руки с книгой. 1936. Б. уг. санг. 21,2x33. ЧГХГ.

176. Соляные промыслы. Эскиз картины. 1936. Б. акв. кар. 13,5x28. ЧГХГ.

177. Вид на Кременец. Изюм. 1936. М. х. 52x72,5. ХГХМ.

178. Колхозный базар. 1936. М. х. Музей г. Лебедина. 6-я Всеукраинская выставка; выставка «Искусство Советской Украины», 1936.

179. На соляных промыслах. 1936. М. х. Местонахождение не установлено. Показана на выставке «Искусство Советской Украины» в 1936 г.

180. Рыбалка. 1937. М. х. 23x31. ЧГХГ.

181. Дождь прошел. Изюм. 1937. М. х. 23x30. ЧГХГ.

182. Колхозник. 1937. Б. кар. цв. уг. 54,4x44. ЧГХГ.

183. Рисунок к картине «К. Е. Ворошилов у танкистов». 1937. Б. кар. 27,9x21,1. ЧГХГ.

184. К. Е. Ворошилов у танкистов. 1937. М. х. Местонахождение не установлено. Показана на юбилейной выставке произведений художников УССР в 1937 г.

185. На лесоразработках. 1939. Б. акв. г. 29x37. ЧГХГ.

186. Автопортрет. 1939. М. х. 39x27.

187. На лесоразработках. 1939. Б. кар. акв. 20x29,7. ЧГХГ.

188. Автопортрет. 1939. Б. кар. акв. 26x19. МУИ.

189. С самоваром. 1939. Б. кар. 40,1x28. ЧГХГ.



Автопортрет. 1941 г.

«... Вспоминается с большой силой полотно того художника /г. Кокеля/, который написал картину «В чайной»: в ней есть оригинальность и типичность.

И. Е. РЕПИН. 1912 г.

190. На Черном море. Алупка. 1940. Б. кар. акв. 25,5x36. ХГХМ.
191. Автопортрет. 1940. Б. акв. 24x22. ХГХМ.
192. Хатки. 1941. Б. акв. 25x33,5. ЧГХГ.
193. Из окна. Дача Короленко. 1941. Б. акв. бел. 25,3x20,3. ЧГХГ.
194. Шишаки. Пейзаж. 1941. Б. акв. 23x28. ЧГХГ.
195. Портрет Ромы. Автопортрет. Наброски. 1941. Б. кар. 28,5x20,5. ЧГХГ.
196. Два наброска с Анны Афанасьевны. 1941. Б. кар. 24x16,7. ЧГХГ.
197. Автопортрет. 1941. Б. кар. 23x18,3. ЧГХГ.
224. На Донце. Эсхар. 1954. М. х. 43x58. ЧГХГ.
225. Пейзаж с луной. 1955. Б. кар. акв. 20,5x26,5. ЧГХГ.
226. Донец. 1955. М. к. 24,3x30,5. ЧГХГ.

Произведения, местонахождения которых не указано, являются собственностью жены художника — А. А. Кокель (г. Харьков).

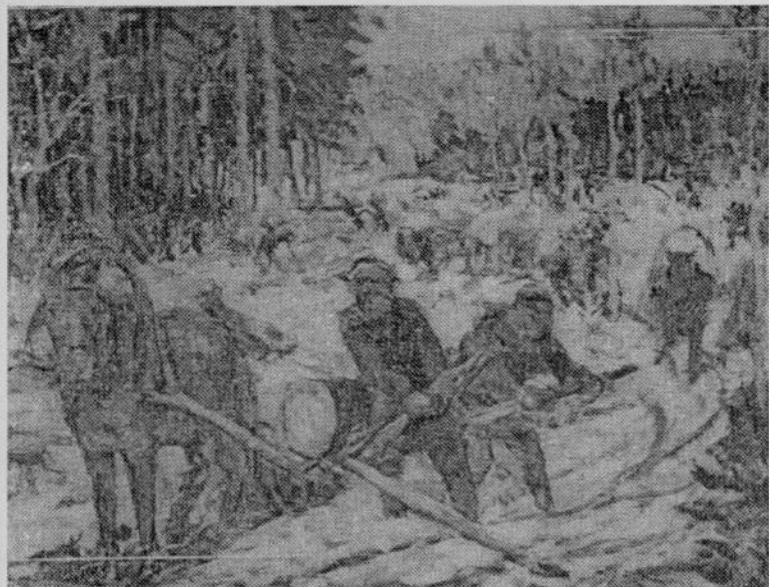
Сокращения: ЧГХГ — Чувашская государственная галерея, МУИ — Музей украинского искусства УССР, ХГХМ — Харьковский государственный художественный музей. М. — масло. К. — картон. Х. — холст. Б. — бумага. Санг. — сангина. Кар. — карандаш. Паст. — пастель. Бел. — белла. Гр. — графитный. Цв. — цветной. Уг. — уголь. Тон — тонированный.



А. А. Кокель. Автопортрет.

«Есть... важный раздел в жизни художника — это... взять себя в руки: думать и жить все время в искусстве, активно бороться за наше дело, выдвигать новые замыслы, творить с повышенным чувством ответственности художника — терпеливым на все, искренним, трудолюбивым, направляя себя все время вперед и вперед... Наше время такое, и мы не должны отставать от времени.

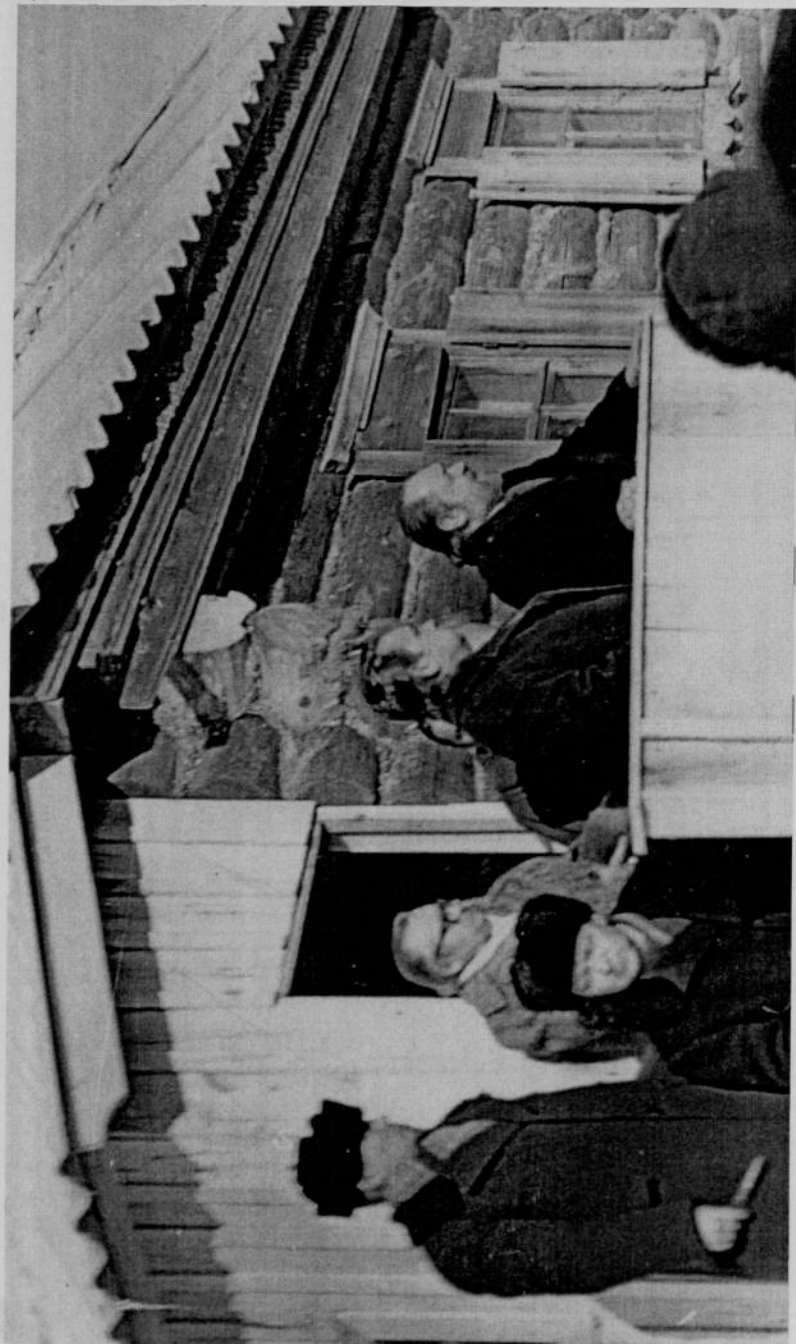
А. А. КОКЕЛЬ.



На лесоразработках. Эскиз. 1935 г.



Ударница. 1931 г.



Украинские гости выступают перед односельчанами А. А. Кокеля





В музее имени Алексея Афанасьевича Кокеля



А. Святков. «Портрет А. А. Кокся» 1950 г.



* * *

Белый свет!
Сюда случайно
Мы явились словно весть.
Здесь любовь живет, как тайна,
Но и горе тоже здесь.

Все мы разные, как люди,
И добры и злы порой.
Кто в нас искренность разбудит,
Если недруг за спиной?

Человеческие лица...
Гнев и радость — все на них.
Можно жизни научиться
И без самых мудрых книг.

Белый свет!
К тебе устало,
Будем так же приходить.
Можно быть большим и малым —
Человеком нужно быть.

Леса, луга, зеркальные озера,
Восхода час и сказочный закат —
Мгновенья очарованного взора...
Но почему тревога в сердце, брат?

Не потому-ль, что реки высыхают,
И сохнут молодые деревца?
Не оттого-ль так тягостно страдают
Страданьем сокрушенные сердца?


Вопросы — как тяжелое удушье...
Но в нас еще уверенность царит,
Что мать-земля простит нам равнодушие,
Бездумность нашу, варварство простит.

Она давно о помощи взывает.
И если не поможем мы с тобой,
То наше равнодушие, кто знает,
Какою обернется нам бедой?..



Ещё недавно так его хвалили!..
“Он гений!
Здесь ему подобных нет,
Лишь рядом с ним мы шаг свой утвердили
И веру в неизбежность добрых лет”.

От должности едва освободили —
Тотчас ему устроили разнос.
Все те же люди дружно заявили:
“Довольно!..
Поделом тебе, прохвост...”



ВЕЧНАЯ КАРТИНА

Я помню: в закуточке у печи
Месила мама тесто в час рассвета.
В лицо дышали жаром кирпичи...
Я не забыл — навек запомнил это.

Прошли года.
Картину ту же я,
Как прежде, вижу, —
Правда, с измененьем:
Теперь не мама, а жена моя
Хлеба сажает в печь с благоговеньем.

И солнце сея яркие лучи,
Ее лицо горячее ласкает,
А горницу дыхание печи
Душистым ароматом наполняет.

И, запахом живительным дыша,
Картиной этой греется душа.



“Я до сих пор не замечала,
Что мысли схожие у нас.
Признаться, очень помогало
Мне одиночество подчас

Постигнуть суть твоей мечты, —
Сказала мне однажды ты. —

Тогда — душа могучей Волгой,
И резвость волн — как мысль моя.
А берег — ты — крутой и долгий...
Тогда — расту духовно я”.



Ах, сколько волшебства в глазах твоих!..
В них цвет небес сияет голубых,
Зрачки, что звезды в этой глубине,
И можно утонуть в голубизне.

Ах, сколько же тепла в глазах твоих!..
Врачующую силу пью из них,
Та сила душу-сердцу окрыляет
И новой надеждой наделяет.

И потому вовек не потушить
Бушующий пожар моей души,
Что бездна глаз искрит необычайной,
Непознанной, непостижимой тайной.

Округа многоцветием блистает
Улыбчивым по детски вешним днем.
В природе — тишь.
Ничто не потрясает:
Покончено с воинствующим злом.

Однако, нам нельзя предать забвенью
Огонь войны, ползущий по полям.
Живут в душе преемственности звенья,
И трудно позабыть все это нам.

Майданека, Хатыни не забыли
И как фашизм владел Европой всей.
Родную землю кровью обновили
С надеждою на близость светлых дней.

И счастье, что досталось нам с трудом,
Мы, как зеницу ока, бережем.



ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Галине

I

Все отцвело, увяло наконец,
И листопада вычурные звенья
Ложатся наземь.
Ветер — студенец
Душе диктует строки посвященья.

Слова признанья высказать я рад,
Любимая,
Ты это заслужила.
Ведь осень остудила только сад,
Любви твоей она не остудила.

Любимая!
Ты краше с каждым днем,
И весен бег не страшен торопливый,
И осени дыханье нипочем, —
Ничто не омрачает лик счастливый.

Уже не щедро солнышко, оно
Теплом и светом балует не очень...
Любовь твоя мне светит все равно
В дороге, удаляющейся в осень.

Я, в памяти былое вороша,
 Увижу сад под белою фатою,
 Знакомства миг — и вспомню, как душа
 Пылала, восхищенная тобою.

Наверно всё предписано судьбой,
 И вместе нас не зря она сводила.
 В долгу я неоплатным пред тобой:
 Ведь ты мою мечту осуществила.

Спасибо за согласие шагать
 Одним путем сквозь стужу и невзгоды,
 И счастлив я с тобою коротать
 Одной судьбой повенчанные годы.

В тебе ценю я каждую черту, —
 Что для меня желанней и прелестней!
 Мою осуществившая мечту,
 В моей душе звучишь ты новой песней.



III

Прекрасен мир жемчужных наших дней,
Ушедших, уходящих чередою.
Тот мир невозвратимостью своей
Теснит мне душу светлою тоскою.

Но радует мне сердце в этот час,
Что счастье я сполна познал с тобою.
Лишь время бы не разлучило нас,
Идти б впредь с тобой одной тропею...

Спасибо этим ласковым рукам,
Устам твоим, горячим и желанным,
Глаз синеве...
За все воздам
Я верностью и чувством несказанным.

Пусть на виски штрихами седины
Ложатся дни, стремительно сгорая,
Цветком благоухающей весны
Ты навсегда останешься родная.

Ты у окна, и видишь, как с ветвей
Листвы янтарь срывается небрежно.
Теперь недолго ждать и зимних дней,
Они придут, и это — неизбежно...

Весенний сад, согласен я с тобой,
Куда желанней и куда милее:
Деревья украшаются листвою,
Тогда и мир становится светлее.

Мы рядом.
Гуси-лебеди летят,
В заморскую сторонку устремляясь.
Застыл в окне задумчивый твой взгляд,
Грустит и сад осенний, осыпаясь.

В саду раздолье.
Ветер, как дитя,
Свистит, снует не ведая запинки,
Монистыми березок золотя
Лишь нам двоим известные тропинки.

В мои глаза ты ласково глядишь.
Любимая,
И я от счастья млею.
Сединки выбираешь и молчишь
О том, что я, увы, уже старею.

Мила ты, как и в прежние года,
Нежна твоя улыбка, и не скрою:
Лишь оттого, что вместе мы всегда,
Не очень-то дружил я с грусть-тоскою.

Листовою палой землю окропил
Осенний сад.
Цветы уже завяли,
Твоя любовь мне прибавляет сил,
И не страшны мне холода и дали.



Загрустилось сегодня, родная, -
Я увидел полет журавлей.
На прощанье рукою махая,
Я остался один среди полей.

Я остался...
Но что безвозвратно
Стая птиц на крылах унесла?..
В эту осень мне стало понятно:
Это юность навеки ушла.



ИЗ БИБЛИИ

* * *

Источник наших знаний книга,
Учиться только не ленись.
И в том упорства наберись,
Тогда тебе поможет Ника.

Кто пашет в поле день и ночь,
Тот много умного не скажет.
Быть может, умничать не прочь —
Речь лишь напышенностью вяжет.

Зато он знает как пять пальцев
Стального своего коня,
Носы утрет в том умных старцев,
О превосходстве даст понять.

Когда ж ему учёным стать,
И без того забот по горло.
Хотя б газеты почитать
Момент он улучит ли скоро.

В седьмом поту он днями в поле,
С утра до вечера в труде.
Да и домашний труд неволит...
А отдыхать-то время где?

Всегда в труду столяр, строитель,
Имеет каждый профиль свой:
Один забивкой занят свай,
Другой резьбою знаменитый.

Резьбой по дереву он занят,
В узорах тех смекалка, ум.
Сие художеством уж тянет
И вызывает много дум.



Кузнец у наковальни занят,
Колдует над металлом он,
Хотя от стука уши вянут,
Стоит в них постоянный звон.

А в горне жарком искры пляшут,
Щекочет ноздры пыльный чад.
Он день-деньской кувалдой машет
И каждому предмету рад.

Кует он их витиевато,
Стараясь творческим умом.
И что ему еще бы надо —
Шагает радостно домой.

В почёте у людей горшечник,
Коль он мастеровой гончар.
Вам лихо смастерит горшочек,
Таких не видели вы чар.

Его предметы в обиходе,
Затем и ценен труд его.
В работе радость он находит,
Отдав ей самого всего.

Руками мнет, как тесто, глину,
Ногою мерно вертит круг.
Нет времени расправить спину,
Его увлек любимый труд.

Доволен он посудой каждой,
Ведь душу вкладывал он в них.
Работу он считает важной
И потому в работе лих.

И эти все мастеровые
Живут, надеясь на свой труд.
У них мозоли трудовые
И личных интересов круг.



Они на людях не кичливы,
Не ветренный они народ,
Со всеми вежливы, учтивы,
И ими как поэт я горд.

Без рук людей трудолюбивых
Не встанут город и село.
На свете не бывает дива:
Само не машет, помело.

Трудами их живет ученый,
Растет, мужает детвора.
Затем труд всякий нипочем им,
Когда работать-то пора.

А кто богатствами владеет,
Тот как всегда духовно нищ.
Лишь о себе такой радеет,
Другим что-либо даст он шиш.

Не для него дворцы и залы,
Обходит их он стороной.
Канарские лишь манят дали,
Они ему как дом родной.

А шумных праздников веселья
И совещанья по неделе
Проходят без людей труда,
Им некогда идти туда.

И их трудом страна крепчает,
Трудом таких она сильна.
Народом, это отмечая,
Им почесть будет воздана...

(Перевод Михаила Ставского).



...Плохой ли человек он, или добрый,
Скупой ли человек он, или щедрый —
У всех у них один и тот же рок:
Умрет любой, когда настанет срок.

Об этой ведая беде суровой,
Он чувствует бессилие свое,
Со злостью безпричинно хмурит брови,
Когда в нем страх гнездо порой совет.

Но коль его по миру носят ноги,
Живет надеждой каждый человек.
И псу живому лучше при пороге,
Чем льву, закрывшему глаза навек.

Живые знают, что умрут когда-то,
А мертвые не знают ничего.
Им, мертвым, благ земных теперь не надо,
Забвению предать их лишь всего.

Любовь их, ненависть давно уж стерлись,
Неведома и ревность злая им.
Животворящая светила прелесть
С небес не радует теплом своим.

И посему, пока живешь и дышишь,
Питайся сытно хлебом, пей вино,
Живи молитвами...
И Бог услышит
И торпить не будет в мир иной...

(Перевод Михаила Ставского).

... Хотя и вязнет грешник в зле, обмане,
Блага земные чтобы заиметь.
Кто Бога чтит, в почтенном будет сане,
Бояться Бога — благ его иметь.

А нечестивому добра не будет...
Но в суете бывает так,
Что нечестивый в праведниках ходит,
А тот не оправдается никак.

И потому как можно веселитесь
И ешьте, пейте, от трудов устав.
Под солнцем Божьим жизнью насладитесь,
Пока навек Бог не зажал уста.

Но в чём же мудрость жизни брэнной нашей,
В чём суть и смысл дел Божьих земных?
Один без сна и отдыха все пашет,
Другой не может жить без дел иных.

Но кто бы, как бы, сколько бы ни думал,
Не может все ж постигнуть Божьих дел.
А если бы какой мудрец и вздумал
Сказать: «Я знаю», — это зря, ужасный то удел...

(Перевод Михаила Ставского)

О ТВОРЧЕСТВЕ Н. КУШМАНОВА

Тимаков В. Кун-çул ытамёнче // Коммунизм ялавё.— 1988. — 16 сурла.

Симунов Н. Кашни йёркинче — äслä шухăш // Чăваш ен. — 1997. — 29 пуш — 5 ака /№ 13/.

Карлинов И. Благословляя труд поэта // Христиан, вести. — 2000. — Июнь /№3/ и др.

VI ВСЕМИРНЫЙ
РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СОБОР

Выписка из стенограммы

МОСКВА. ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

13-14 декабря 2001 года

Секция “1000 лет вместе.

Православие, Ислам и другие традиционные религии России”

Доклады на секции

ГАНИЧЕВ В.Н. (Вторая секция)

Председатель правления Союза писателей России:

“...Участники секции отметили работу поэта, члена Союза писателей России Н. Кушманова по переводу текстов “Ветхого завета” на чувашский язык. Мы считаем, что Всемирный Русский Народный Собор должен обязательно поддерживать эту и другие подобные инициативы”.

КНИГИ НИКОЛАЯ КУШМАНОВА

«Кунçул ытамёнче» /В объятиях жизни/, 1987.

«Тăван ен кĕввисем» /Мотивы родного края/, 1990.

«Çул пуçламăшĕ» /Начало дороги/, 1991.

«Кокель», 1992.

«Äслăлăх кĕнеки» /Книга премудрости/, 1995.

«Тăван ял — йышăм хушшинче» /Среди односельчан/, 2004.

«Ёмĕрсен кĕрлевĕ витĕр» /Сквозь бури веков 1–2 тома/, 2005.

«Духовное наследие Кокелей», 2004.

«Кокель» на русском языке, 2005.

«Герман Епископ», 2005.

«Чун кёнеки», Псалтирь, **1 том**, 1995.

«Чун кёнеки», «Иов кёнеки» /Книга Иова/, «Соломонан ўкёт кёнеки» /Притчи Соломона/, «Екклезиаст кёнеки» /Книга Екклезиаста/, «Соломонан юрәсен юрри» /Песнь песней Соломона/, **2 том**, 2000.

«Чун кёнеки», «Сирах ывӓлӓ Иисусан аслӓлӓх кёнеки» /Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова/, «Соломонан аслӓлӓх кёнеки» /Книга премудростей Соломона/, **3 том**, 2000.

«Чун кёнеки», Матфей, Марк, Лука, Иоанн ҫырнӓ таса Евангели, /Святое Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна/, **4 том**, 2008.

«Чун кёнеки», Святой апостолсен ёҫсем, /Деяние святых апостолов/, Апокалипсис, **5 том**, 2010.

«Чун кёнеки», «Святой апостолсен ҫырӓвӓсем» /Соборное послание апостолов/, **6 том**, 2011.

«Чун кёнеки», Исаия кёнеки /Книга пророка Исаии/, **7 том**, 2012.

«Йӓмра кашлавӓ», Стихи, поэмы на чувашском языке, **1 том**, 2012.

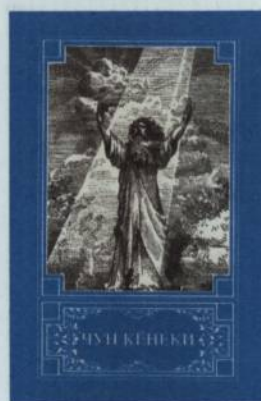
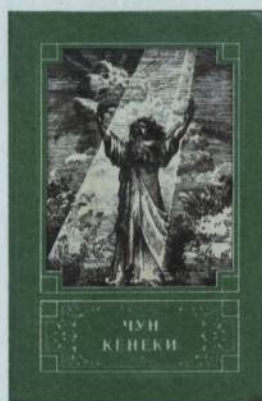
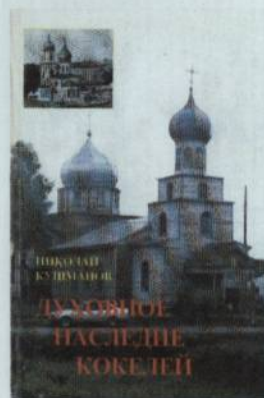
«Кокельсем». Поэмы на чувашском языке, **2 том**, 2012.

«Асӓмрм ҫывӓх ҫынсем», **3 том**, 2013.

«Мои труды не канут в лету». Поэма и стихи на русском языке, **4 том**, 2013.

ОБЛОЖКИ КНИГ





1 том

2-3 том

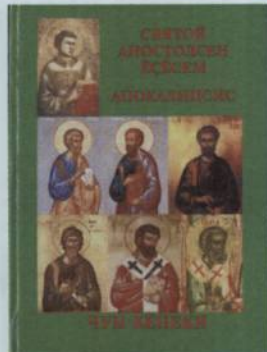
2 том



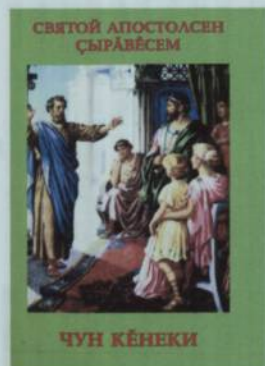
3 том



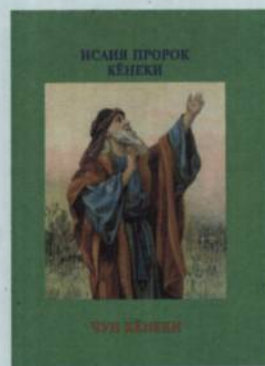
4 том



5 том



6 том



7 том



2 том



2 том



3 том



Тарханы – колыбель моего детства	3
От автора	13
КОКЕЛЬ поэма	19
Предисловие	20
Часть первая	21
1891 год. Голодный год	21
В Грязевке	23
В школе	25
Мечты и истина	28
Лашманские крестьяне	33
Знакомство с Левченко	35
Сгоревшие мечты	37
«Знак Божий»	41
1899 год. Голодный год	43
Часть вторая	51
В столице	51
В больнице	58
В семье Писаревых	67
В Академии	72
Письмо Алёши	75
Письмо Ивана	78
1905 год	81
Часть третья	85
Возвращение на родину	85
Новая фамилия	89
Волшебный дар	91
У озера	94
У Репина	97
«Ты язвись как Гоголь...»	100
В Европе	103
Совет Горького	105
В Петербурге	109
В Москве	111
В Художественной школе	113
Первый ректор	115
В Тарханах	118
Страшная ночь	121



Часть четвертая	125
В напряженной борьбе	125
Мечты сбываются	127
«Ликбез»	129
В Чебоксарах	131
Встреча с Тихоном	134
Суровые годы	139
Встреча с Ухсаем	142
Тяжелая утрата	145
Жизнь продолжается	147
Монолог Кокеля	151
Послесловие	157
Произведения Кокеля Алексея Афанасьевича	161
Род Кокелей (<i>Мужская линия</i>)	174
Вечная картина (стихи)	175
“Белый свет!.. “	175
“Леса, луга, зеркальные озера... “	176
“Ещё недавно так его хвалили!.. “	177
Вечная картина	178
“Я до сих пор не замечала... “	179
“Ах, сколько волшебства в глазах твоих!.. “	180
“Округа многоцветием блистает... “	181
Осенние мысли	182
“Все отцвело, увяло наконец... “	182
“Я, в памяти былое вороша... “	184
“Прекрасен мир жемчужных наших дней... “	185
“В саду раздолье... “	186
“Загрустилось сегодня, родная... “	187
Из Библии	188
“Источник наших знаний книга... “	188
“Плохой ли человек он, или добрый... “	189
“Хотя и вязнет грешник в зле, обмане... “	192
О творчестве Н. Кушманова	193



КУШМАНОВ
(АЛЕМЕТКИН)
Николай Константинович

**«ТРУДЫ МОИ НЕ
КАНУТ В ЛЕТУ...»**

Поэма

Редактор *Г. С. Дмитриева*
Оригинал-макет *Н. К. Кушманов*

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура
Times New Roman и Балтика. Усл. печ. л. 12,5.

Лицензия № 06277 от 14.11. 2001.

КУШМАНОВ Николай Константинович



Родился 6 ноября 1949 г. в с.Тарханы Батыревского района. После окончания Тарханской средней школы служил в рядах Советской Армии. Окончил Чебоксарский строительный техникум и Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова. Многие годы работал в коммунальном хозяйстве мастером, старшим инженером, начальником участка. Затем трудился в редакции газеты «Коммунизм ялавл» /ныне «Хыпар»/, был ответственным секретарем и заместителем председателя правления Союза писателей Чувашской Республики, старшим редактором Чувашского книжного издательства, заместителем директора издательства «Калем».

Его первые стихи, зарисовки и очерки в районной и республиканской печати начали публиковаться в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. В 1987 г. в Чувашском книжном издательстве была выпущена его первая книга «Кунçул ытамёнче» /В объятиях жизни/, затем вышли «Тăван ен кеввисем» /Мотивы родного края, 1990/, «Çул пуçламăшĕ» /Начало дороги, 1991/ и «Кокель» /1992/ — произведение о своем именитом земляке, выдающемся художнике А. А. Кокеле. «Тăван ял — йышăм хушшинче» /Среди односельчан, 2004/. В этих стихотворных сборниках поэт раскрывает красоту родного края, с разных сторон показывает будни сельских тружеников, радости и горести их повседневной жизни.

Н. Кушманов активно занимается поэтическим переложением на чувашский язык многих книг Ветхого и Нового Завета Библии. По благословению Митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы и кандидата богословия протоиерея И. Н. Карлинова им в стихотворном переложении переведены «Псалтирь», «Книга Иова», «Притчи Соломона», «Книга Екклесиаста», «Песнь песней Соломона», «Книга премудростей Соломона» и др. Они изданы отдельными книгами под названием «Книга премудрости» /1994/ и «Духовная книга» — 1, 2, 3 тома /1995, 2000/.

В последние годы он завершил перевод книг из Нового Завета и книгу Исаии из Старого Завета Библии, а также выпустил книги «Йăмра кашлавĕ» /Шум ветлы/, «Кокельсем» /Кокели/, «Асăмри çывăх çынсем» /Среди близких людей/, «Труды мои не канут влету...»

Н. Кушманов — член Союза писателей СССР с 1988 г. За успехи в литературе ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» /1992/.